

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

22 1962

СМЕНА

Виктор ВЛАДИМИРОВ

Фото Григория ДУБИНСКОГО.

Еще рано называть городом эти несколько кварталов многоэтажных домов в долине между мянчанскими сопками. И сами строители — при всей их любви к своему творению — называют Солнечным не городом, а городком. И, пожалуй, это правильно. Солнечный — это городок-подросток. Он, как беззащитный выхрастый мальчишка, встал на тропе, по которой когда-то прошел Арсеньев со своим верным Дерсу Узала, много позже — геологи Осипов и Зыгнер, а еще через несколько лет — Олег Кабаков. Он-то, как говорит легенда, и дал долине это радостное название.

СОЛНЦЕ НАД СОЛНЕЧНЫМ

ПО СЛЕДАМ ПОДВИГА

Так уж повелось, что по следам подвигов идут легенды. Один из них столетней давности, другим лишь три-четыре года, и они рождены в наше время, нашими современниками. Кто может сказать, откуда начинаются легенды? Очень часто — с короткой газетной информации или с сухого официального отчета, поросматного диктанта и технических терминами. Вроде того, что представил Олег Кабаков своему начальству: «В верхних реках Силанки обнаружены выходы на поверхность месторождения хасинтерита».

Но в легенде, которую сегодня обязательно расскажут любому своему человеку в Солнечном, уже не найти точных цифр и мудреных терминов. Они уступили место красочному описанию сюжета, вместо научного термина «хасинтерит» говорится «олово».

...Холодной и суровой якутской осенью вверх по реке Силанке пробрался высокий молодой человек в брезентовой штормовке, с громадным рюкзаком за плечами, с длинным геологическим молотком в руках. Там, где его заставала ночь, он раскладывал ко-

стер, сушил промокшую одежду и записывал в блокнот несколько коротких слов: «Нет... Не обнаружено... Безуспешно...». Потом он развешивал спальный мешок и мгновенно засыпал.

Над ним шумели равнодушные сосны, мелкий дождь падал в кювет и с шипением гасил угли. Наверное, под этими соснами, под таким же дождем мочевали двое его коллег — геологи Осипов и Зыгнер, прошедшие здесь несколько раньше. Их имена стояли в уголке подробной карты, с которой он то и дело сверялся, которая поддерживала уверенность в том, что где-то здесь обязательно должно быть олово...

И вот однажды, когда уже на исходе были силы и уверенность в успехе, на изломе талого камня блеснул металл. Еще не вери в победу, человек: снова и снова брал пробу, снова и снова склонился к лотку над светлыми и холодными струями горной реки. И, поверив, выпрямился и улыбнулся впервые за много дней. И слово в озамменованное номенды человека над природой радужными тяжелые тучи и длинный пралиндный луч прорезал туманное утро. Отсюда и пошло это название — Солнечный...

Легенды свойственно выделять из подви-

га лишь одного героя, надевая его всеми качествами в превосходной степени. И поэтому не стоит обижаться на легенду, которая не дошла до нас имени тех, кто шел по следу Олега Кабакова, кто отдавал все силы, а порой и жизнь, как прораб поисковой группы Алексей Пяткин, чтобы сегодня, стоя у поворота извилистой дороги, мог видеть этот безмятежный конный город: каменные дома в законченных строгих кварталах, короткую и широкую главную улицу, вдоль которой ослепительно бьет щедрый солнечный луч, отражаясь в стеклах квартир, дрожа на массивных боксах экскаваторов и бульдозеров, матово отсвечиваясь на пыльных плоскостях тяжелых «таур» и «эмзов», что ползут мимо нас к карьере.

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Маленькая книжечка в твердом колпачковом переплете красного цвета. «Товарищ Анатолий Андреевич, — гласит текст, — по призыву Коммунистической партии и Советского правительства изъявил желание работать на стройках Дальнего Востока и направлен комсомольской организа-

ГОРОД БУДЕТ

нией города Харькова на строительство рудника Солнечный.

Сто пятьдесят таких книжечек было выдано в разных городах страны весной 1958 года. Но когда несколькими неделями позже молодые строители собрались на митинг возле палаток, их было не сто пятьдесят, а сто пятьдесят один.

Сто пятьдесят были возбуждены и веселы. Сто пятьдесят были неспящие, мечтали, рассказывали о своих домах и заводах, откуда они приехали. Сто пятьдесят первый был угрюм и замкнут. Он не рассказывал о своем доме и заводе. На митинге он стоял с самого края шумной толпы, а в первую ночь в большой палатке долго не мог заснуть — дежад, сцепив руки на затылке, и одну за одной курил папиросы.

— Слышь, парень, — негромко окликнул сосед. — Ты откуда?

— Оттуда... — неопределенно махнул тот рукой.

— Очень понятно, — засмеялся сосед. — А все-таки?

И Ефим Морозов в эту первую ночь на новом месте рассказал хабаровскому токарю Евгению Иванову веселую историю своей жизни: как, оступившись однажды, был втиснут в шайку и попал в тюрьму за участие в ограблении магазина...

И вот уже не один, а двое в большой палатке курили папиросы за папиросой и негромко разговаривали.

— Давай спать, — далеко за полночь сказал Иванов. — Ничего, все будет в порядке... И они начали новую жизнь. Сто пятьдесят

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

22 НОЯБРЬ 1962

год и название тридцать девятый

первый жил рядом с ними, работал рядом с ними и пел по вечерам те же песни. И через полгода он бережно спрятал в награудный красный кошачий мешочек в твердой колесниковой переноске. Текст гласил:

«Товарищ Морозов Ефим Михайлович по призыву Коммунистической партии в Советское правительство изъявил желание работать на стройках Дальнего Востока и направлен комсомольской организацией города Солнечный на строительство рудника Солнечный». Так была дана путевка в жизнь человеку и городу.

Но на этом не закончилась история Ефима Морозова. Следующей весной, когда окончился от строительства в Солнечном появился тред парней. Они походили, ухмылялись, по стройке и располагались у обочины дороги, ждали конца смены. Ефим увидел их, проезжая на свой участок в кабине попутного самосала.

Когда закончилась смена и шумный поток ребят и девушек поднялся со склона сопки, где шла строительство обогатительной фабрики, к парням подошла группа молодых рабочих.

— Кого-нибудь ожидаете?
— Да так, ко-кого, — нехотко ответил один из парней. — Другка своего ждем. — И, заметив Ефима среди ребят, закончил: — Дело есть к нему. Неотложное...
— Какого?

— А это, Фраер, не твоего ума дело... Тогда Ефим Морозов вышел вперед и, твердо глядя на пришельцев, проговорил:

— Не по тому адресу явились... Вот эта дорога ведет в Комсомольск. А поезд на Хабаровск отходит в восемь. И если вы рано будете мерещать ноги, то вполне на него успеете. И вам настоятельно советуем успеть на этот поезд. Все понятно?

И, глядя, как, испуганно оглядывались, уходил по дороге парня, Морозов, усмехнувшись, сказал товарищам:

— Похоже, что успеют....

ПРЕБЕЯ К ОКЕАНУ

Солнечный уверенно становился на ноги. Отрешены первые взрывы на карьерах, потонулись вьмыс красные стены кирпичных корпусов обогатительной фабрики, все гуще становился лес подъемных кранов. Они прилаживали стройке соседство с портом, куда для разгрузки прибыли баржи и океанские танкеры. По вечерам все более часто сверкали над панорами строительства блики электросварки. И все чаще ребята и девушки вместо «последних Солнечных» говорили «наш Солнечный городок».

Однажды на главную улицу въехал автобус и из него вышло два десятка безусых ребят и смуглых девушек. Сидели они тихо и несли, которые сопровождали их все два с половиной часа езды от Комсомольска. Не раскода, ребята смотрели на город, с которым они с этого часа связали свою судьбу. А к ним уже сменили старожилы и, улыбаясь, с гордостью спрашивали:

— Ну, как?
— Заврво!

А то ли еще будет... Так начал свою трудовую биографию бывший десятый класс 46-й школы города Комсомольска.

...Еще задолго до выпускных экзаменов по предложению комсомо Юрия Равина ребята написали письмо в Хабаровский совнархоз: «В этом году мы кончаем десятый класс. За год учебы мы очень суржились, и теперь нам не хочется расставаться. Хотим поучиться и в рудник, что и дальше пойдем вместе. Мы живем в городе, который, несмотря ни на какие трудности, построили так же, как и мы, комсомольцы, наши отцы. Мы не хотим от них отставать».

Мы просим направить нас всем классом на одну из новостроек края. Мы понимаем, что нас ждут трудности, но твердо знаем, что наша дружба, взаимопомощь помогут хорошо трудиться и учиться дальше. Мы уверены и то, что, прежде чем идти в высшие учебные заведения, нужно узнать работу, пользо-

вать ее, выбрать себе специальности по душе...»

Как не вспомнить слова поэта:

Не будь сточное войдой —
И жить ее не стану...
Хотя бы малей, но живой
Пробейся к океану!

Так начали самостоятельную жизнь десятиклассники 46-й школы. И сегодня в умелых, спойных шоферах, сварщиках, каменщиках и плотниках трудно узнать тех робких ребят, что выскыпали из автобуса на главную улицу Солнечного два года назад. Сегодня они на правах старожилых встречают новичков гордым вопросом:

— Ну, как? — И добавляют уверенно: — А то ли еще будет!

ОРНАМЕНТ ВЕНИАМИНА ОКУНЕВА

В одной из квартир Солнечного мы обратили внимание на необычный настил пола. Это было похоже на паркет, но пластины были не прямоугольные, а самой неожиданной формы — квадраты, треугольники.

— Орнамент Окунева, — объяснил хозяин комнаты.

Хабаровчанин Вениамин Окунев был в числе тех ста пятидесяти, которые приехали на стройку весной 1956 года. У него не только золотые руки плотника, но и смекалестя голова. И однажды, когда бригада сидела без дела, потому что задержалась подвозка лесоматериалов, которые доставлялись на автомашинах за десятки километров и «к конечку» обходились стройке, Вениамин поделился с товарищами интересной и неожиданной мыслью:

— А что если сделать настил из обрезков? Идея не сразу нашла поддержку. Но Вениамин не сдался. С двумя товарищами после рабочего дня он выстлал пол в двух комнатах и пригласил авторитетную комиссию, в которую входили главный инженер и начальник строительства.

С этого дня и появился на стройке новый термин — орнамент Окунева.

ЧИСТЫЕ РУКИ

И еще об одной примечательной традиции строителей Солнечного хочется мне рассказать.

Когда на стройку приходит новенький, его предупреждают:

— У нас работают только чистыми руками...

Что же это значит?

Все началось с комсомольского собрания, на котором обсуждалось поведение одного из молодых бригадиров-бетонщиков: тот сделал прыгунку. На собрании он оправдывался:

— Для нас же старался, ребята! Разве я только себе эти деньги начислил?

И неожиданно собрание вышло из протокольного русла обсуждения персонального дела и превратилось в большой разговор о рабочей совести. И единогласной была резолюция:

— Ударную стройку — только чистыми руками!

...Когда нам галки вылезали из Солнечного, вперед, медленно выходя на пригород, показались три автобуса. Над ветровым стеклом первого был укреплен кулачковый лозунг:

«Давней Солнечный!»

На открытках свои высказывались живые лица — новый отряд добровольцев. И я подумал, что города, как люди, имеют свое лицо, свою биографию, свои привычки — традиции. Судьба городов складывается из судеб их жителей. Вода города и волнают там, где сходится путь людей, идущих к единой цели...

Солнечный, Хабаровский край.

Л. ЛУГАНОВ

Фото М. МУРАЗОВА.

Нотративно веление времени. Новое, молодое сменяет у руля истории все, что состарилось, отжило, что стало вчерашним днем человечества. И как под напором жизненных силон полается жужжля оболочка семян, так трещат и расползаются сети рабства и невежества, которыми капитал некогда опутал целые континенты.

...Еще три с половиной года назад Куба была островом, где правил кровавый дракон Батиста. С тех пор многое, очень многое переключилось. Став хозяином

«Вива Хорхэ! Вива Хорхэ!» — В криках друзей потонула шум комбайна, который впервые в жизни провел по полю Хорхэ Эчменди.

РОС'НА РОДИНЕ СВОБОДЫ

своей страны, кубинский народ приступил к строительству новой жизни.

Ветер истории наполняет паруса тех, кто держит курс по восходящему солнцу. Но, чтобы построить новую жизнь, навсегда освободиться от отсталости, нужно преодолеть большие трудности, необходимы усилия и дружеская помощь очень многих людей. Именно потому идут сейчас на Кубу из Советского Союза и стран социалистического лагеря караваны судов с машинами, материалами, специалистами.

Этой осенью в нашу страну прибыла новая группа слуглых, подтянутых парней с иеруковкой нашивкой Национального института аграрной реформы. Эти юные «гуахирос», как называют на Кубе крестьян, привезли к нам учиться.

Как и в прошлом году, разехались они по разным концам страны, чтобы изучить новейшую сельскохозяйственную технику, познать секреты механизации и обработки полей. Революционному народу, строящему новое хозяйство, очень нужны умелые руки. Но сколько для этого нужно

знать, как многому надо научиться!

Славянск-на-Кубани... В этом городе хлебосольного Краснодарского края любой покажет вам усадьбу с надписью на воротах: «Училище механизации сельского хозяйства № 4». На ее территории — шеренги сельскохозяйственных машин, выстроенных вдоль светлых корпусов. Трудовой день у прибывших сюда молодых посланцев острова Свободы начинается спозаранку. После зарядки и завтрака один садятся изучать русский язык, другие идут

в мастерские: учатся владеть инструментом. Остальные — в поле, к уборочным агрегатам. Надо многим овладеть на опыте: ребята хотят стать механизаторами высокой квалификации. И они станут ими, как те несколько сот их земляков, которые вот так же приезжали в Советский Союз учиться и уехали в начале минувшего лета на родину.

Сейчас парни шлют длинные письма, написанные по-русски. Они пишут, как радостно уничтожать следы долголетнего господства американских монополий, по

С учебниками они не расстаются ни на час. Учатся настойчиво, как завещал Ленин, как наказывала Фидель.

С этой буквой по-русски начинается слово «Куба». Ну, а с этой? Кто отвечает? Кубяцки смеются: «Герой Герой Гевара!» Пионервожатая 1-й Славянской школы Светлана Решетняк помогает друзьям делать первые шаги в учебе.

вине которых благодатная земля не могла прокормить народ: Куба была громадной плантацией сахарного тростника, все же необходимое продовольствие приходилось закупать в США.

Когда на усадьбу славянского училища опускается вечер, наступает время заслуженного отдыха. Можно посмотреть кино, сыграть в волейбол или баскетбол. Но многие сидят в эти часы за книгой, шеледят страницами газет. Кто-то вздыхает: «Как-то сейчас дома! Как ты думаешь, Анхель?» Кто это спрашивает, не Анхель? Наверно, он. Анхель Аяла оста-

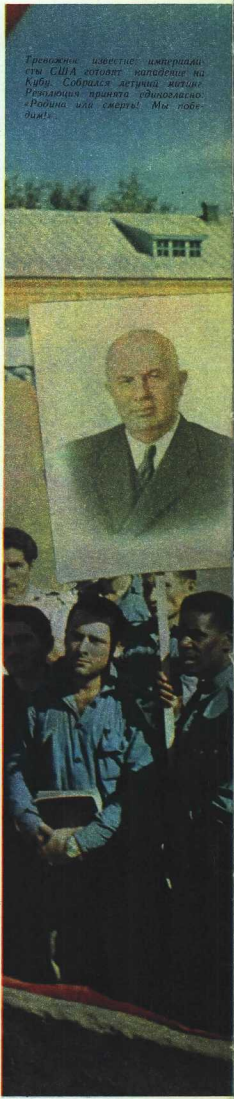
вил на родине семерых братьев и трех сестер. Теперь-то он может быть за них спокоен: отец получил землю, возделывает кофе. Но там трудные дни: американские империалисты не оставляют в покое Кубу. Вот газеты «Революсьон», «Нотисас де Оя» (почта доставляет их регулярно) вызывают тревогу: военное министерство США набирает в армию и во флот кубинских эмигрантов, бежавших от революции. Идут военные приготовления и на военно-морской базе США Гуантанамо, расположенной на родном побережье. «Линией фронта» называют американские газеты границу территории этой базы.

Собеседник — одно тревожной другой: «США хотят удушить революцию экономической блокадой», в Вашингтоне собираются создать эмиграционное правительство Кубы... Шеледят страницы... «будете начеку, compañeros!»

А с утра снова занятия. Новый день приносит новые трудности, новые успехи. Ничего разговору только о Хорхе. Он, Хорхе Энеменди, герой дня. Вы подумайте, парень впервые в жизни сел за руль комбайна, и, представьте, комбайн его слушается! Хорхе управлял комбайном! Глаза ребят блестят, они возбуждены. Доволен и Виктор Гайдаш. Мастер производственного обучения вложил немало своего искусства в этот успех. И в прошлом году Гайдаш учил земляков Хорхе владеть комбайном, учил и учился сам: теперь ему уже не нужен переводчик, чтобы растолковать новичкам какую-нибудь премудрость.

По воскресеньям ребята частенько собираются в кружок.

Тревожна известие империалисты США тоталит нападение на Кубу. Соборная армия мексиканская принята единогласно: Россия для смерти! Мы победили!

Кто-то берет гитару. Потом в перезвон струн вливается сильное молодое голоса. Много хороших песен слышит Славянки-на-Кубани. Но чаще всего звучит та, что заставляет сейчас весь кубинский народ расправлять плечи и вышаг поднимать голову. Это «Гимн 26 июля».

С этой песней наши гости, кубинские парни, как в бой, идут в грудной поход за знаниями. Пройдут месяцы учебы, и «славянские» кубинцы вернутся домой вместе с земляками, занимающимися в других училищах Советского Союза. Вооруженные самым передовым опытом, они встанут в ряды тех, кто ломает сейчас на Кубе цепкую вековую отсталость, выкорчевывает корни колониализма.

Не потому ли захлебывается злобным лавом реакционная американская пропаганда, призывая поскорее закончить с Кубой? Все назойливей звучат в США голоса, толкующие, что лучше третья мировая война, чем распространение «коммунизма» в Америке.

Политические и военные деятели Соединенных Штатов говорят так, будто они являются хозяевами всего мира, будто они единственные владыки западного полушария. Это не тот язык, которым теперь можно разговаривать с миром. Агрессия против Кубы будет равносильна самобуйству империализма, поскольку Советский Союз окажет кубинскому народу всемерную поддержку и военную помощь. Но наша цель иная — не превращать города в опаленные развалины, а помогать людям в борьбе с нищетой. На это и направлены сейчас усилия многих наших специалистов и преподавателей, готовящих для сельского хозяйства Кубы высококвалифицированные кадры. И когда молодые «гуакирос» выучатся, когда станут настоящими «тегникос»¹ и вернутся на родной остров, чтобы своими знаниями обеспечить новые успехи аграрной реформы, простые люди Кубы с уважением будут говорить: «Эти парни побывали на родине свободы. С таким другом, как Советский Союз, нам ничего не страшно».

¹ «Тегникос» — техник (исп.).

Когда звенят гитары, Эльвиру Смирнову приглашают наперебой. Каждому хочется потанцевать с библиотекарем училища!

Олег Головоко рано стал работать: отец погиб на фронте. Был побороном каменщика, лифтера, механиком на железной дороге. Сейчас окончил Томский институт железнодорожного транспорта, он живет и работает в Сибири.

Я видел этого юношу и колыхания дрова, и копающую землю, и на ходу борющущихся стихи, и жадно выпивающую Москву, буквально «проглатывающую» на ходу новые стихи московских поэтов в краткие дни пребывания в столице. Он учится, а бы сказал, быстро, стремительно. Начав с «общих» стихов, он быстро наладил молодые поэтов свою повседневную и сейчас работает очень интересно, смело, раскованно. Все, к чему прикасается его молодая душа, просится в стихи, обо всем он хочет писать. Он любит жизнь и благодарит её.

Олег ГОЛОВКО

В поколении, к которому принадлежит Олег Головоко, еще встречается иногда печальные явления, не блещущие яркостью таланта, которые, мало еще обаяны, много требуют и мало что ценят. Хорошо, что их немного, и очень хорошо, радостно бывает на душе, когда встречаешь таких молодых людей, как Олег. Один из героев Горького говорит, что pessimism не нужен рабочему человеку, как белые перчатки. Это удивительно верная мысль! Олег Головоко не намерен белые перчатки: «со своей жизнью, боюем состояши», он работает, учится — горит! Ему некогда пребывать в «расслабленном состоянии».

Как поэт Олег Головоко имеет перспективы серьезного роста, у него есть поэтический темперамент, глас, эстетика, живость и молодость восприятия жизни, Телесный дождь за окном, за брызжащими жемчужными отблесками, радужный. Но это — дождь будущего, а пока Олег пишет молодые, живые стихи, вполне соответствующие его возрасту и возрасту его читателя.

Я желаю ему больших успехов в жизни, верю в него.

Михаил ЛЬВОВ

Слова о тайге

Партийный человек

Мы видим сегодня вас, парни
Ватных адреналинах годов.
Каждый за правду партии
К любви испытанным говов.
Читая вы в «Кавказе»
О праве на хлеб и соль,
Вы кричите за нас, капитаны
В коммуны пильщиков сед.
Вы нам завещали партийность,
Веру на все века.
Партийность наша — плотинной
Разрубленная река,
Партийность наша — ракета
С рабочим серьезным гербом.
Партийность — мира победа,
Которую мы куем.
И нам не забыть, что плашше,
Завлуда нам безмерно:
— Пропшу принять меня

в партию! —
Писал перед бессмертием.
Нам Томски вести и Казани
В коммунистический век,
Чтоб люди о каждом сказались:
— Партийный он человек.

Товарный обмен

Радио, радио на сосне!
Радио будит тайгу.
Лыжня самолета
Упала на снег,
За него
Алмаз бегут.
Солнце легло
На лыжках
И спит,
Забросив души,
Что жюри
Геолог пылет
Обжигающий шпигт
И пьлает
Во славу
«ЯК».
И кружится кедр
На одной ноге,

И громко трубит
Сивая.
В негрозной,
Дикой,
Богатой
Тайге
Говорит Москва!

Сибирские Битвы

Фонтан все небо чертит.
Фонтан в тайге волнуется.
И люди все, как черти,
И слышат и цуаюются.
Платаны и страшичан
Не выразить, —
О, вет! —
Как просто ступается
Раскованная нефть.
Правдада ты такое
У колы в на фроната,
Что будет над тайгой
Справствовать фонтан?
И этой нефти ради,
Упирьмы ты и злой,
Сквозь замети и плады
В гургу идыши и в зной.
Тайга тебе врывает
Не просто так свой клад —
Сва тебя встречает
Десятьмаи прерад,
Все с боем побеждается,
И реалья вдаль бегут,
И, как дитя, рождается
Сибирское Баку.
И ты, как нефть, раскованный,
Стоишь у буровой,
Ветрами отшариванный,
С ужасной бородой.

Мамки в нефтегазодобуде

В тяжелой нефтегазодобуде
Есть тгачки и танки.
Но смелыя разведки:
Их мирныя жаут агтвк:
Сружая нефть воссе.
К ним не подходить соадаты.

Внутри тгачек — авоски.
Былиа у танков сынты.
Они после трудовой смены
От сжвжжжж буровой
Привозит народ не военный,
Но воссе боевой.
Робята вылезат из танков,
Чтоб песней само оплывать,
Чтоб фой тяжелых на танго
В клуб тайги приглашат.
А утром в снегах и в болотах,
Среди дождей и пурги,
Малыши идут бороться
За жирную кровь тайги.
Так яростней мирно гудит,
Военные тгачки,
Врываешься в тайгу
И будите
Прибоски кедрачки.
Чтоб только добрым машинам
Резать в мальнически снак.
Чтоб водку собираться мужичинам
И банши у танков сынт!

Трагички убитого медведя

Медведь наравел —
Хантыец горевал.
И когда кто-нибудь
Медведя убивал,
Изменили просили,
Что изрывают его.
Изменили просили
Аля народа своето.
А сибирскс с разломом снега
Прихода и ухода.
...Я одаждк прямо с неба
В пламя лыжи угодил.
Пялшут люди,
Пялшут ветер,
Пялшут в воздухе слова.
И убитого медведя
В пентре
Пялшет голова.

Эх, знай лыжни!
Да подметки туши!
В нашем северном совхозе
Все несветы хорони.
— Эххххх, пламшиши!
Да так, чтоб стухи
Все тропинки
Пятки жгли.

Здесь забыты прадрасудки —
Алудя пляска сбегает.
Не шамана замываешь,
А выступи под бан,
Не шайтана завываешь —
Юбок девичьих бурган.
Пялшут ноги, плечи, синим,
Пялшут в небо ветром,
Пялшут окна магизана
И афиша «Дон-Кихот».

Неведущий

Я парня хантыяского, Юрку,
Перед кино повстречал:
— Ты бы мне, Юрка, юрту
Из бересты показал.
Юрка отвел меня к бабушке:
Он был не в курсе дела.
Бабушка в доме «Баюшкия
Пранувку своей поел.
И мне сказала, пошмыкавсь:
— Куда я тебя поведу?
Ведь юрта исчезла последние
Гагето в традицонной году.

На новую проску выйдя,
Спринявала я новочки,
Вальсика:
— Как угадае?
Мне бы хоть раз слыуочи?
Но вальчик гордо и просто
Мне завывал в ветре стрелот,
— Ты опоздал с вопросом
Этак на двадцать лет.

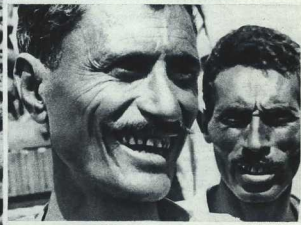
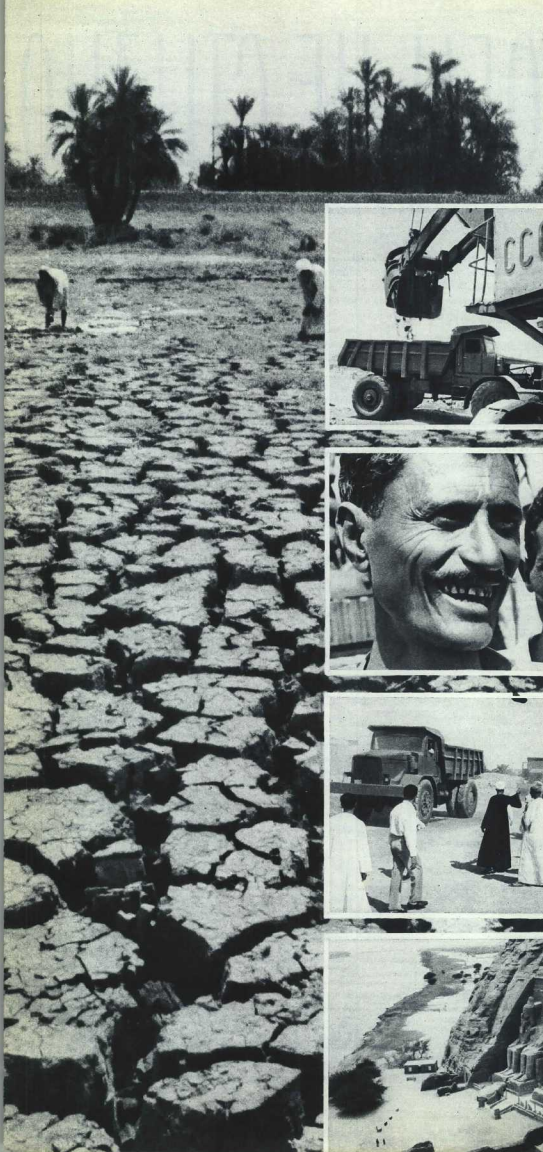
Когда отпыхался метам
И релка апрель рабига,
Обычные рашне гребли?
Не смог я найти на Оби.
Здесь средь рыбачьего говора
Могут на алмаз релвет.
Ах, как не vezet мне здорово,
Красиво как не vezet!

О юртах в музее спросил я —
У лыжи ведь тайга участв.

Спасибо тебе, Россия,
За эту мою неведущест!

! Пристань для гробных лодок.

М о с т в будущее

Старинные предания знают семь великих чудес света. Одно из них — храм Абу-Симбел, впадевший в забвение по повелению египетского фараона Рамсеса Второго. Более трех тысяч лет олицетворял он могущество царственных владык Древнего Египта.

Но жизнь не стоит на месте, она видит миру новые чудеса, новые свидетельства силы и могущества человеческого разума. Скоро воды древнего Нила, поднимаясь волею человека, подымаются и, разлившись по долине пятисоткилометровым морем, затопят пустынную Нубию, скроют ее в водиче — место, где находился храм Абу-Симбел. На 60 метров подымется могучая река, когда близ города Асуана ей преградит нуть плотина — плод сотрудничества народов Советского Союза и ОАР.

Так рождается новое чудо света. По-арабски оно называется Садд аль-Алаи, по-русски — Асуанский гидроузл. Это крупнейшее на всем африканском континенте сооружение призвано преобразовать жизнь целого народа. Укрощенный Нил напоит пустыню, раздвинет безжизненные пески, и на их месте зазеленеют фруктовые сады, раскинутся плодосные поля риса, пшеницы, хлопца, сахарного тростника. Площади подлинных земель в ОАР увеличатся на одну треть, а растущая промышленность получит изобильно энергии от генераторов Асуана.

Садд аль-Алаи попирает с волевым бодством феллахов — половодьями и засухой. Уже сейчас строительство гидроузла дает хлеб и кров тысячам людей; многие и многие из тех, кто пришел строить высотную плотину, впервые в жизни получили тут профессию и крышу над головой. И благодарная улыбка тендит лицо египетского рабочего, когда он слышит слова «советский специалист». Ведь это наши парни обучали феллахов, знающих ранее лишь с мотыгами, управлять экскаваторами, бульдозерами, многотонными самосвалами!

Пройдут годы, и Асуанская плотина, воздвигнутая по замыслам наших инженеров, во главе международных, наших механизмов, станет для народа ОАР мостом дружбы, перекинутым в светлое будущее.

Фото Л. САДКОВОГО и Н. ПАЛНАШВИЛИ.

Асуанская плотина напоит иссохшие земли крестьян.

Сверху вниз:

Безотказно работает наша техника в раскаленных песках.

Их трудом воздвигается Садд аль-Алаи.

Бывшие феллахи лихо гоняют «МАЗы» по дорогам стройки.

Храм Абу-Симбел в Нубийской пустыне.

ЧТОБЫ НЕ СТЫДНО

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КОМСОМОЛЬЦЕВ ГУМА

К ответу Лантеву и ей подобных!

ВЗЯТКА — ЛИЧНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ

История падения

Володи В.
и Игоря П.

СУД СОВЕСТИ

БЕРЕГИ ЧЕСТЬ СМОЛОДУ!

ГУМ — это целый город. Настоящий город с населением в несколько тысяч человек, с улицами, переулками. Есть даже центральная площадь с фонтаном. Тысячи, сотни тысяч людей проходят каждый день по улицам и переулкам нашего торгового города.

А давайте представим, сколько человек заходит ежедневно во все магазины страны! Ведь, наверное, почти каждый человек обязательно да зайдет в магазин, будь то наш ГУМ или торговая палатка на Крайнем Севере. Неважно, что он купит — пачку сигарет или телевизор. Но можно сказать, что с теми или иными покупками ежедневно сталкивается каждый.

Когда-то должность продавца считалась профессией «третьего сорта». Родился даже поговорка: «Не обманешь — не продашь». Но навсегда ушло время кучков и приказчиков. В торговле ежегодно приходит около ста тысяч молодых работников. Можно без преувеличения сказать, что почти все им чужда старая, прогнившая мораль старателей и жуликов. Но, к сожалению, все мы знаем и другое: есть еще в торговле люди, которые позорят имя советского продавца, развращают молодежь.

С волнением прочитали мы, комсомольцы ГУМА, в разделе «Трибуна «Смены» статью «Расплата за сместь»¹. Действительно, жестоко попатлился за честность и принципиальность молодой продавцы Надя Рубашкина.

Один на один пришлось ей столкнуться с матерым жуликом — замамгом Лантевой. «В торговле надо уметь работать», — говорила та молодым продавцам. И только немного позже раскрылся подлинный смысл этих слов. Для Лантевой они означали уметь воровать.

Надя вступила в борьбу с замагом. Но никто из ее товарищей по работе не рискнул выступить против Лантевой и ее покровителей. А как известно, от трусости до предательства — один шаг. И подруги-комсомолки Анна Редзель и Валентина Головатова продали

Надю. Лантева вышла сухой из воды. Но надолго ли? У дни короткие ноги, говорят в народе. В наше время на подлости и лжи далеко не уедешь. Останется. История продавца Нади Рубашкиной из поселка Шолоховский, Ростовской области, звонилала всех нас.

«Могло ли такое произойти у нас» — спрашивали мы друг у друга. Когда-то раньше, вероятно, могло. Но не сейчас. Сейчас категорически нет! Потому что сама жизнь, сама действительность повседневно изживает все пороки, все звыи прошлого. Нет, не найдется сейчас у нас таких равнодушных, а попросту предателей и подлецов, которые окружали Надю.

Правда, в нашем коллективе, как и во всяком другом, не все тихо да гладко. Но каждый молодой продавец стремится к новым, коммунистическим нормам советской торговли, и эти нормы каждодневно входят в нашу жизнь. Одним из основных зол торговли является сейчас взятка.

Бывает так: хочет человек купить себе, к примеру, хороший костюм. Ходит по магазинам, ищет. А такго, как ему хочется, не находит. Но стоит ему в разговоре с иным продавцом наметнуть, что за «благодарностью» дело не станет, как моментально появляется перед ним костюм — тот самый, о котором он мечтал, который искал повсюду. И незаметно перечекаывают из ладони в ладонь денги — «за услугу».

А бывает и так, что обычное внимание к себе покупатели рассматривают как особую заинтересованность продавца, как своеобразный намек. Некоторые покупатели считают себя просто обязанными «отблагодарить» продавца, всучить ему «ка чай». Конечно, нечестный человек, человек, не дорожащий своей профессиональной честью, примет такое «вознаграждение», не моргнув глазом.

Но настоящий советский продавец смотрит на взятку как на личное оскорбление. Он обязательно сделает такому покупателю соответствующее внушение, да так,

чтобы навсегда забыть у него охоту к «благодарностям» подобного рода. Так, в частности, поступили недавно наши товарищи — молодые продавцы Валя Деева и Таяя Андропова.

Или возьмите другое зло, которое, к сожалению, встречается еще в некоторых магазинах. Привезли, например, на склад товар, пользующийся повышенным спросом. Смотрится, а за прилавок попала едва третья его часть. Почему? Да просто работники магазина распродали его своим друзьям и знакомым. Всему этому пора положить конец.

Говорят: «Хорошая нива только у коллектива». Это верно. Если коллектив сильный и дружный, то он сумеет переделать любого нечестного человека. И у нас немало примеров, подтверждающих это.

Три года назад пришел в ГУМ двадцатилетний Володя В. Устроился на склад телевизоров. Работал, как и все. Собирался поступить в институт. В то время был большой спрос на телевизоры, и Володя видел, как иногда кое-кто из работников его секции, пользуясь случаем, брал взятки. Сначала Володя старался не замечать этого, а потом не устоял перед соблазнами, и в его руке оказался конверт со взяткой.

Володя был задержан работником ОБХСС. Учитывая чистосердечное раскаяние лярня, его простили. Но Володе мучило превращение к самому себе. Он ушел из ГУМА, ушел из дому и целый месяц жил где-то за городом у сестры. Это был тяжелейший месяц, месяц мучительных переживаний. Суд был суд его собственной совести: ошибку надо исправить там, где ее совершил. И Володя успел принять его в ту же секцию телевизоров.

С вяду, казалось бы, ничего не изменилось в парне. Но в душе человека произошел переворот. Он стал требовательным и беспощадным не только к себе, но и к другим. Постепенно пришло уважение. И сейчас Володя не только отличный работник, но и активный комсомолец, студент вечернего отде-

¹ См. «Смену» № 18.

БЫЛО СМОТРЕТЬ В ГЛАЗА

КО ВСЕМ МОЛОДЫМ РАБОТНИКАМ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ

ления Института народного хозяйства имени Плеханова.

А вот другой пример.

Игорь П. пришел работать в ГУМ совсем мальчишкой. Ему полагали, его учили, надеялись, что он станет настоящим советским продавцом. Но когда Игорь стал работать самостоятельно и приобрел опыт, он пристрастился к вышке, бросил учебу в техникум.

С малого порой начинается падение человека. Зачастую он даже сам не может потом точно сказать, с чего он покатился по наклонной плоскости. А в торговле, пожалуй, как ни в одной другой отрасли, даже самая незначительная сделка с совестью может быстро превратиться в серьезному преступлению.

Игоря не раз предупреждали об этом товарищи. Но он и слушать-то никого не хотел. И вот сплелся: стал соучастником во взятничестве. Операция имя советского продавца. Запятая часть комсомольца.

Мы могли, конечно, исключить его из комсомола, уволить с работы. Однако сложилась в нашей коллективе традиция: бороться за человека до конца. Почувствовал я им, что Игорь глубоко, по-настоящему осознал случившееся, поверил ему. Наказать, конечно, неказали, но в коллективе оставили.

Сейчас Игорь добросовестно работает, снова учится в техникуме, стал активным членом народной дружины ГУМа.

Однако это лишь отдельные случаи, которые хотя и отрадно, но, на наш взгляд, далеко не исчерпывают возможностей, которыми располагает любая комсомольская организация для борьбы за честь советского продавца.

Всем хорошо известно, что на ударных стройках существуют комсомольские штабы, которые активно вмешиваются во все дела, помогают досрочной сдаче в эксплуатацию важнейших объектов. Неудно по всей стране ярко вспыхивают «комсомольские прожекторы». Их лучи беспощадно высвечивают неполадки, способствуют

нашей борьбе со всем отжившим, со всем тем, что мешает нашему движению вперед.

Включен «комсомольский прожектор» и в ГУМе. Он уже во многом помог нам. Вот только один пример.

Почти четыре года (!) лежала на одном из наших складов партия строчевышитых изделий на 66,3 тысячи рублей. А в то же время отдел галантерейных товаров продолжал завозить аналогичные товары. Об этом факте хорошо знали а коммерческой части ГУМа, однако никаким мер не принимали. Луч «прожектора» ярко осветил виновников безобразия.

Во многом помогают нам комсомольские рейды, контрольные посты, созданные на самых различных участках: в торговых секциях, на складах, в транспортных группах.

Однако все это лишь первые шаги в большом походе, который мы решили начать, прочитав замечательную статью Надежды Григорьевны Заглады. Нам запомнились ее взволнованные слова:

«Очень хотелось бы, чтобы каждый, кто прочтет мой рассказ, посмотрел бы на себя со стороны, посоветовался со своей совестью: как ему дальше жить и работать, чтобы не стыдно было перед народом, перед партией нашей, перед детьми и самим собой!»

Этот вопрос целиком и полностью относится и к нам, молодым работникам торговли.

Давайте же, друзья, посмотрим вокруг: все ли мы делаем по совести? Не закрываем ли мы порой глаза на недостатки, нарушения, а то и преступления, которые происходят у нас на виду?

Опыт, который накопился в нашей первичной организации, убедительно свидетельствует: комсомольцы многое могут сделать для улучшения торговли, для поднятия чести советского торгового работника. И речь идет не только о том, чтобы самому быть образцовым работником, честным и культурным. Мы хотим, чтобы каждый из нас смело выступал против уродливых явлений в торговле, вскри-

вал и разоблачал всевозможные махинации, которые порой происходят за спиной продавца и наносят ущерб нашему государству, нашему народу.

То, о чем пишут Н. Г. Заглады и И. Д. Леонов, касается каждого труженика — колхозника, рабочего, служащего, касается и нас, молодых работников торговли. Где бы ни работал советский человек, он должен помнить о своей личной ответственности за строительство коммунистического общества, должен спросить у своей совести, все ли он сделал, чтобы оправдать высокое звание строителя коммунизма.

В связи со статьями товарищей Заглады и Леонова, волнующими каждого этого человека, хотим и мы повести разговор о чести и достоинстве работника торговли, о воспитании чувства любви к своему предприятию, гордости за него.

Наша повседневная жизнь дает немало примеров высокой честности, добросовестного исполнения служебного долга, бескорыстного товарищеского отношения друг к другу. Мы знаем, что лучшие коллективы наших магазинов — настоящие вневидящие передовые методы торговли, стремятся улуч-

шить обслуживание советского покупателя.

И, обращаясь через журнал «Смена», мы говорим:

— Давайте, друзья, поведем решительную борьбу против тех, чье позорное поведение вызывает справедливые нарекания покупателей. Против тех, кто занимается хищениями, спекуляцией. Против людей без совести и чести. Разоблачая жуликов, проходимцев, мы будем делать доброе, полезное для нашего общества дело.

Главное внимание, на наш взгляд, нужно обратить на предупреждение аморальных поступков, на воспитание молодежи. Если ошибся кто-либо, надо предупредить его, отступился — помочь.

Давайте же, дорогие друзья, поведем, упорно и настойчиво бороться за высокую честь и нравственную чистоту торгового работника.

Будем делать все для того, чтобы как можно лучше обслужить покупателя-труженика, повысить культуру торговли, перевыполнять производственные задания.

Наш долг — дорожить званием работника советской торговли, оберегать это звание всегда и во всем своей совестью, своим честным трудом.

А. ТЕЛЕГЕЙ, руководитель бригады коммунистического труда:

Р. КОЧЕРГИНА, ударник коммунистического труда:

И. КАЛИНИНА, член комитета ВЛКСМ:

А. МСТИСЛАВСКИЙ, секретарь комсомольского бюро

отдела текстильно-трикотажных товаров:

А. БЕЛЯЕВСКОЕ, секретарь комитета ВЛКСМ:

В. БУБЕНКОВ, зам. секретаря комитета ВЛКСМ,

В. РАХМАНИН, член штаба «комсомольского прожектора».

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

С трибуны «Смены» выступит писатель Константин Лапин.

РАЗГОВОР ПОЙДЕТ О ПОДЛИННОЙ И МИМНОЙ КРАСОТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Небо снова высокое

Владимир ЗАХАРОВ

Доктор внимательно посмотрел на Надю. — Сколько раз вам приходилось прыгать? — Девяност тридцать восемь. — Тогда вы должны понять, что девяност тридцать девятого прыжка не будет. Надя ничего не ответила: уж очень он был земной, этот доктор...

Для подруг по команде международные соревнования по прыжкам с парашютом в болгарском городе Пловдиве уже закончились. Очередь за ней, Чемпионке мира Надежде Пряхиной осталось выполнить самое сложное — комплекс фигур свободного падения.

Высота — 1900 метров. Мотор предупредительно снижает обороты. И сразу звучит протяжный сигнал сирены: «Приготовьтесь!» Затем два коротких: «Пощади!» И, резко подавшись вперед, Надя падает в упругие объятия ветра. Знак на земле показывает: две спирали влево, восьмерка вправо, salto назад, и все это под голубым куполом неба. Раскинув руки, спортсменка прекращает вращение и смотрит на секундомер. Совсем неловко! На все фигуры ушло шестнадцать секунд. В запасе целых семь... А зеленый ковер аэродрома мигает навстречу. Вот он уже совсем рядом. Пора!

Надя плавно выдернула кольцо. Но что это? Вместо привычного динамичного удара за спиной послышалось мягкое шуршание шелка. «Ну же! Запутались стропы?» Рука инстинктивно схватила рукоятку ножа. Обернувшись, Надя увидела ярко-красные полосы в тонкой паутине строп. «Резать лямки!» Стрелка высотомера рванулась к 500-метровой отметке. «Поздно, не успею открыть запасной!»

Откинув нож, Надя нацупала кольцо... Спокойно! Надо не дать запасному запутаться в главный. Надя рванула кольцо и свободной рукой отбросила парашют в сторону. Белоснежный шелк слабо затрепетал и предательски пошла вдоль главного купола. Путаясь в строплах, Надя подтянула к себе запасной парашют и, борясь с ветром, снова отбросила его в сторону. Только бы раскрылся!

Но чуда не произошло. Легкие перья облаков продолжали стремительно уходить вверх. Катастрофически быстро приближалась земля. По ней со стороны деревни бежали мальчишки. А со стада мчалась санитарная машина. «Ну, нет! Рано меня хоронить, — со злостью подумала Надежда — А падать только вперед». И в последнюю мгновение она резко подтянулась на спутанных строплах.

Удара Надя не помнит. Только бездонное небо и внимательные лица друзей...

— Как все произошло, Надюша!

Надя слабо улыбалась.

— Просто не хватило высоты...

Вторично она очнулась в больничной палате. Напряженная тишина, и порывы осеннего ветра не онемели. Надя откидывает край простыни и пытается повернуться.

— Осторожно, Надя.

Взглянул болгарского доктора строг.

— Сейчас надо лежать только на спине.

Доктор совсем молодой. Надя следит за ним краем глаза и прислушивается к мягкому голо-

су.

— Здесь вам будет хорошо. Поживите недельки две, а потом — в Москву!

Доктор с трудом подбирает нужные слова.

— Вам очень много придется лежать, Надя.

У вас серьезно поврежден позвоночник. Но вы не волнуйтесь!..

И сразу стало нечем дышать. Так вот что значат эти верные кольца на пояснице! Вся жизнь быть прикованной к постели. И никогда больше не ухватить небой! Черные круги пошле перед глазами. Надя до боли прикусила губы. Спокойно. Надо взять себя в руки, как перед прыжком. Кто-то мягко дотрагивается до ее руки, и Надя открывает глаза. Перед ней с большой коробкой в руках стоит подруга по команде Гаяла Андричева.

— Что с тобой? — Надя испуганно смотрит на ее больничный взгляд.

— Ничего! — Гаяла поправляет марлевою косынку. — Буду теперь здесь жить. А это тебе.

— И она ставит на стол хрустальный кубок — приз лучшей спортсменке 1959 года.

— Все-таки мы победили!..

Москва встретила Надю машиной «Скорой помощи». Навеселой Надя эта встреча. Там, являясь от друзей, Надя стравилась ни о чем не думать. Трудно вот так сразу привыкнуть к мысли о том, что ты тяжелобольная. И где-то, очень далеко, еще теплятся надежды: а вдруг все не так страшно! Но теперь, открыв глаза по утрам, она поняла, что белоснежный потолок — это надолго. И вперед идут обязательные будни. Ну что ж, будни надо уметь использовать, ведь не собирается она лежать здесь всю жизнь. Так над головой появилась раскладная кровать, перед прыжком — «внутренняя лечебная гимнастика».

Читая этот распорядок, доктора понимали печалью: не собирается ли их пациентка с переломом позвоночника снова лезть в небо!

И отсюда в этой хрупкой на вид девушке стояло энергии и упорства! То, что другим удавалось достигнуть через многие месяцы, она преодолела за недели. Но особенно удивля-

ся докторам не было армени; институт, в котором лечилась Надя, подвергался ежесуточному палачничеству. Знакомых и незнакомых. Надя никогда не подозревала, что у нее столько друзей. Особенно ей запомнились один день — день ее рождения. В палате собрались подруги по команде, товарищи по работе и учебе. Все неребной поздравляли Надю с присоединением звания заслуженного мастера спорта, а девушка поблажила в ее честь установить новый мировой рекорд. Сколько им еще впереди, этих рекордов! И один из них будет обязательно ее!..

7 ноября 1959 года Надя встречала дома.

Упросила врачей выпустить ее досрочно. Ходить она уже могла, а в остальном медицина была бессильна. Может быть, позвоночник и срастется, но для этого понадобится год.

Лежать и ждать Надя не захотела.

Сразу после праздника затопилась в вечернюю техникуму. Надо было догнать товарищей, наверстывать упущенное. Но ведь и до этого ей было не легко. До сих пор учебу в техникуму Надя приходилось совмещать с работой на заводе. Работая большей частью в ночную смену. После короткого отдыха бегала на тренировки в аэроклуб. А вечером — за учебу. Да, нелегко досталось Наде спортивное мастерство! И мало что даже из близких знало, какой несгибаемой волей обладала эта ничем не приметная девушка.

Да и теперь иногда бывало совсем немноготу. Взять хотя бы технологию сечки чертежи. Для здорового человека сущий пустяк: сел и сделал. Но сидеть-то Надя и не могла. Попробовала приклеивать листы ватмана на шаблонер — неудобно. Десятки раз бросала. Потом принималась за чертежи снова. И наконец выход был найден: стала чертить лежа. Ничто ни о чем не догадывался. Так была одержана еще одна маленькая, но важная для нее победа.

Раньше Надя не придавала бы этому значению, а теперь приходилось открывать сечку новым победим, которые помогали ей шагать в ногу со всеми.

И совсем большой радостью стало окончание зимней сессии. Все предметы были сданы на отлично. А вслед за этим приваблилась и еще одна: Надя собиралась стать матерью.

Никогда в жизни она так не волновалась, как в тот памятный день, когда шла к «своим» врачам. Что-то ей склепнуто...

Врачи долго переговаривались на непонятном ей языке. И по тому, как одна из них положила руку на Надюно плечо, стало ясно: предстоит подняться еще на одну высоту.

Врач словно понадеял Надюна мысль.

— Тебе жить, Надежда. А то, что тебя омидет, — это все равно, что еще раз без парашюта...

— Ну что ж... улыбнулась Надя, — вот и будет из меня девятьсот тридцать девять.

— Кого же!

— Прыжком с парашютом.

— Не шути, Надя. С этим не шутят. А как к этому относится муж!

Да, как к этому относится муж! Ведь до сих пор о нем не было сказано ни слова. Тогда скажем коротко: человек на поверку оказался дрянной. Вот и весь сказ. Вычеркнул он из Надиной жизни. Многие в подобных случаях пытаются начать жизнь сначала, а Надя решила продолжать жизнь, в которой ядовито было и слезы и горького до слез.

Каждое утро раздавался звонок в ее квартиру, и почтальон приносил огромные пачки писем. Незнаемые друзья восхлились мужеством спортсменки. Писали школьники и студенты, колхозники и солдаты, все бесконечно и востановила Надюна судьба.

«Нам хочется», — писали воины-десантники, — выразить Вам благодарность за то, что Вы проявили высокое мужество и мастерство во время прыжка в Пловдиве. Только отменишь, с железной волей человек способен бороться за жизнь в таких условиях. Ваш пример бесстрашия, невиданного мастерства вдохновляет нас, воинов, на подвиги во имя любимой Отчизны. Мы от души рады, что Вы скоро вновь вернетесь в строй...»

Такое никогда не дает отступить. Кто-то, а десантники знают цену мужеству! В строю она вернется обязательно, но вернется уже коммунистом. И по первым весенним пролетам Надя снова выйдет на работу, где ей предстоит трудный и ответственный экзамен. Что волнует, не скрывала. Предстояло держать ответ за все, что успела сделать в жизни. А что она успела! Основания для самоуверенности ушли, и в конце войны встала за токарный станок. Потом работала контролером ОТК и ушла в техникуму. Вот, кажется, и все. Больше, пожалуй, нечего рассказывать.

Но разговор получился совсем не такой. Сказала Надя, что хотела бы познакомиться с Владимир Константинович Кузнецким, которого Надя знала по заводу, вышел из-за стола, пошел в рядом и стал расспрашивать о жизни. Как вообще, дипломная комиссия в чем-либо, как обстоят дела с учебой!

— Хорошо, — сущенно ответила Надя.

— Отлично, — уточнил парторг отдела.

— Значит, стеньх технологию и снова на заводе!

— И только в своей цех!

С той поры прошло три больших, нелегких года. Инушевой весной Надя дала последнюю экзаменационную сессию. И сразу нахлынули новые заботы. Главной среди них была защита дипломного проекта. Теперь Надя подолгу задерживалась на заводе: ведь ей впервые предстояло защитить новую технологию. От того, насколько правильно сделан проект, зависела судьба целого производственного участка. Друзья одобрили: все в порядке.

И они не ошиблись. Дипломная комиссия индивидуально вынесла отличную оценку и рекомендовала проект к внедрению.

Теперь можно и отдохнуть. Даже как-то и не верится, что все уже позади. А впереди Надя идут новые, захватывающие планы. Нет, такой легкой не для нее! Особенно сейчас, когда в окна дождя заглядывают неяркое осеннее солнце. И с его последними лучами в комнату врывается тревожное чувство ожидания, а вдруг расклевается дьявол и Гаяла Андричева с порога радостно крикнет:

— Ну, что же ты стоишь, ведь завтра у нас высокие прыжки!

Надя улыбается своим мыслям. Разве сердитая прыжки Вась и Игорек никак не засыпят и не дадут ей сосредоточиться над кинем. Выхристал и очень упрямый, все в маму, сын лезет к ней на колени и просит:

— И тогда Надя приходится выходить из-за стола и подбрасывать его высоко-высоко. Под самое небо. Бездонное небо, которое вновь стало голубым!..

ГОЛУБЫЕ ИСКРЫ

Л. НЕМЕНОВА

Наверное, глупо отгорчаться. Старик должен знать свое место. Но порой обидно до срезкета.

И отдаю людям всего себя. Они буквально влились на меня. Сам не знаю, как выдерживает мое старое сердце.

И я от хорошей семьи. Мой отец работал до последнего выдоха. Мы из надежного матернала.

И трамвай.

За двадцать пять лет я пережил сотни тысяч людей. Сколько встреч, сколько событий!.. Иногда у меня от гнева плавились подмышками. Но чаще вскипывали голубые искры радости, грусти, тревоги...

Эти рассказы — рассказы трамвая. Может быть, та мелоденка, стройная «Волга» услышит их и задумается? О себе, о жизни. И невозможно обо мне...

Я старик. Мне двадцать пять лет. Лучшие краски не могут скрыть моих морщин.

Я не похож на этих молодых фразгов с синими стеклами, на белой резине... Я скриплю и выдрагиваю, но все-таки тружусь.

Каждое утро, выходя на работу, я встречаюсь с ней, мелодией, стройной... Она смеялась мимо, но оглядывалась. Иногда она переносилась со встречными, но никогда не глядит на меня.

Пробный рейс

Город померкнет от горя. В город вошла фашисты.

Над трамвайным депо распахнулась лучшая свистящая.

Трамвай беспомощно стоял на ветру. Мертвые листья повисли в колесе.

Тяпну разбросал грохот солдатских сапог. Это привели, под колесами застрявших в городе вагоновожатых.

Угол двора потемнел от следов. Люди тревожно переминались с ноги на ногу. Внезапно солдаты выткнулись и застыли. В ворота въехал черной «опель». Из него вылез толстый рыжеватый майор.

Из приоткрытой двери машины доносилась музыка. Там играл приемник.

— Здравствуйте! — сказал майор по-русски, жестко отрывая слова. — Я рад вас видеть, господин. Пропу пригласить к работе.

— Линия разрушена! — крикнули из угла.

— Линию чинят, сухо возразил майор. — Завтра к десяти утра все наместа в порядке. Кто будет делать... как это... провостительный рейс?

— В самый праздник... — глухо сказал пожилой тучный бригадир.

Офицер улыбнулся.

— За сибяток будем вешать, — объявил он так, словно сообщая приятную новость.

Все молчали.

В толпе вдруг началось движение. Расстояние людей, вышедших лопухий костлявый парнишка лет двадцати. Из-под припухших век сонно глядели маленькие глазки, штаны сваливались с худого зата.

Обойди майора, он подошел к машине, на которой доносилось замыканье сафсона.

Офицер констатирует. Солдаты вскинули автоматы.

— Приемник, — сказал парень и укмыкнулся во весь рот. — Здорово шипарит!

— Вы любите радио? — любезно спросил майор, радуясь, что лед тронулся.

— Обожать! — признался тот, жадно разглядывая приемник. — Своих три брата... А насчет рейса не беспокойтесь. Прокачу...

Маслов моя фамилия, Валентин Иванович.

Он подмигнул офицеру и вразвалочку направился к выходу.

— Паскуда! — донеслось из угла.

Утро седьмого ноября выдалось солнечное. Безмятежно голубело небо. И от этого еще мрачнее казалось хмурый, и рыцарь ругных гор.

Ровно без трех десятых Валька вывел на линию свой чистенький трамвай. Все окна в вагоне были открыты настежь. Сам Валька красовался в новом костюме, при галстуке. Голову его украшала лихо заломленная кеплочка.

— Пассажиров не беру! — крикнул он столпившимся на остановке. — Пробный рейс!

И медленно тронул трамвай.

Люди ошелоненно переглянулись. Понудилось, что ли? Из вагона доносился перезвон кремлевских курантов.

Нет, не понудилось! Очередь у булочной повернула, как один человек. Из открытых окон проезжаемого трамвая прозвучал знакомый четкий голос: «Говорит Москва! Говорит Москва!» Трамвай набирал ход. Валька

сидел в кабине, прищурив зоркие, ясные глаза.

Он зашел, как застыли встречные, как беспомощно оглядывались, словно не веря своим ушам, и стремглав бежали за трамваем.

«...Товарищи красноармейцы и краснофлотцы! Товарищи командиры и коммисары!..»

Валька перешел на предельную скорость. Трамвай летел молнией. А из открытых окон в город выслыкались волны октябрьского парада.

На улицах замесались немецкие тантуши. И было от чего!

По тротуарам и мостовым, обгоняя друг друга, неслись люди. Они выбегали из переулков навстречу трамваю, махали руками и шапками, что-то отчаянно кричали...

И вдруг грянул «Интернационал».

Валька поднял брови. Что это? Где толпа?

Принемца почти не было слышно. Это бегущая толпа подхватила песню. Капалось, весь город гремит «Интернационалом».

На перекрестке Пушкинской и Садовой застряли немецкие солдаты возлежи на рельсы телеграфные столбы. Два танка поехали навстречу, вытиская длинные шен орудий.

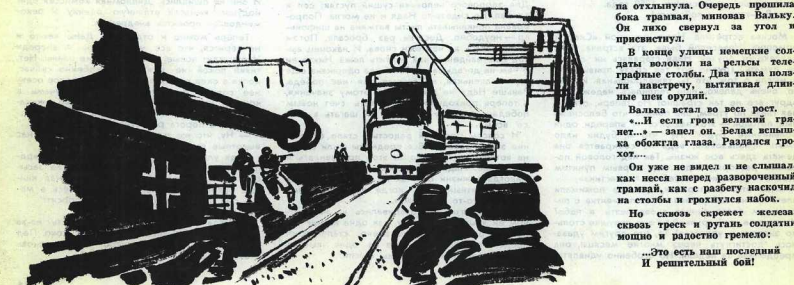
Валька встал во весь рост.

«...И если гром великий грянет...» — завыл он. Белья вспыхнула обожгла глаза. Раздался грохот...

Он уже не видел и не слышал, как несся вперед развороченный трамвай, как с разбегу наскочил на столбы и грохнулся набок.

Но сквозь скрежет железа, сквозь треск и ругань солдатки мощно и радостно гремело:

«...Это есть наш последний И решительный бой!»

Девушка стояла на площадке, у морозного окна. Фонари дрожали в снежных кристаллах и расплывались в глазах.

Девушка шла. Она пришла к стеклу и лишь изредка вытарапливала неки концы шерстяной косынки. Вся ее маленькая

— Подождет? — наклонилась к девушке кондукторша. Та молчала. К ним протянулся ладь молодая женщина.

— Позвольте, — сказала она, снимая ботинки и протягивая новую помятую коричневую туфлю. — Если нас устроит...

— Твои родители меня не видят, — иронично сказала он. — Это все из-за брата, — прошептала она, и ее голубые глаза наполнились слезами. — Папа сказал, что он тебе покажет...

— Хочешь ириску? — Ой, какая сабака! — Где, где? — На той стороне. Видишь? — Это не сабака, это очарки. Они сидели рядом. Он тихонько держал ее за руку. Ее легкие светлые волосы касались его щеки.

— А на Луле есть очарки? — Ага. Лулины.

— А какие там дети? — Знаешь что? Привезли луночка. Мы с ним будем дружить. Вагон шел по новому проспекту среди тоненьких молодых тополей. Окна домов горели закатным пламенем.

— Смотри, еще новый дом. Тебе нравится? — Красивый.

— И постройку еще лучше. Весь насквозь стеклянный. И всем будет по квартире: тебе, маме, папе. Даже Тольке. Пусть живет, но жалко. Вот вернусь с Лулы и построй.

— Проспект Гагарина! — объявил кондуктор.

В вагон хлынули люди.

— Это уже с работы? — трезво спросила она.

— Кто откуда... Хочешь ириску?

— Катя! — раздался вдруг сердитый окрик.

Дети так и подпрыгали. К ним, поблескивая глазами, протискивался Катин отец.

— Ты что здесь делаешь? Мальчик встал, залоснив собой подругу.

— Мы катались, — сказал он, смеясь глядя в сердитые очки. — Она не виновата. Это я...

Человек в очках молча смотрел на смуглого мальчика в серой курточке и фуражке с надломленным козырьком. Из-за его плеча выглядывала испуганная Катя. Ее губы дрожали, но она крепко держалась мальчишками за обкусанные ногтими за локоть друга.

— Он поострой нам дом, — вытарапливала она. — Всем по квартире, и тебе тоже. Правда, Федя?

— Правда. А Тольку нашему я наподдал. Чтоб не лез к маленьким, вот!

За окном замаякала зеленая ограда.

— Парк культуры, — объявил кондуктор.

— Так... — сказал Катин отец и почему-то откатился.

— Так... — повторил он, глядя в мальчишеское лицо с напряженно сдвинутыми темными бровями. — Говорят, в парке неплохое мороженое, а?

И он легкою подтолкнул детей к выходу.

Рисунок В. ЮДИНА.

фигурка в потертых валенках и больших стогатых валенках пошла от торца.

— Кто-то тронул ее за плечо. Девушка оглянулась. Перед ней стояла кондукторша — рослая паленурада женщина лет под сорок, из тех, кого называют «громобиками».

— Ты чего?

— Ты замолота голова, но кондукторша не отклонилась.

— По... — потянула, — наконец выдохнула девушка и заплакала ей в горло.

— Денглы?

— Туфли... Свадьба у меня, и загс к шести... А я пришла с ночной, прилегла да чуть не проспала. Схватилась! Одна валенку — и бежать. Видно, обринула...

Кондукторша еще мгновение смотрела на нее и вдруг одним нахом вобралась на свое сиденье. Зычно закричала:

— Внимание! Граждане... то есть граждане пассажиры! У кого имеются при себе туфли... какого размера? — тихо спросила она у девушки.

— Тридцать шесть, — ошеломленно шепнула та.

— Размер тридцать шесть! В загс едет девушка, а туфля, распяна, потеряла! Одна валенки, и те в заплатках...

По вагону прокатился шум. Пассажиры возмущались, засмеялись.

— Веселый, гражданинчик! Все там будет! Собирай да лап — валенки тридцать девятый номер!

— У меня тридцать шесть с половиной, — нерешительно сказала из дальнего угла мелодичный голос.

— Да что вы! — возмутилась стоящая рядом старушка в очках. — Ты пойди со мной до дому, милля, тут рядом. И тебе дочкам дам, нарядиме...

— Ой, отрада! Выходи за меня, я и в валенках выйду! — озорно крикнула наречь в черной кубанке.

В вагоны образовались водопроты.

— Ботинки на меху не требуются? — спросила с задней площадки.

— С ума сошли! — возмутилась нарядная плашная дама. — Может быть, это просто аферистка?

Она осеклась. Девушка так поблещдала, что стали видны вступилки у губ.

— Ничего мне не надо, — тихо сказала она.

Но вагон уже загудел недоуменными голосами:

— Совести у вас нет!

— За что девочку обзовали? Вагон подходил к остановке. Кондукторша надела в сумку и протянула даме три копейки.

— Выходите.

— Вы с ума сошли! — возмутилась та, но, увидев десятки колесных глаз, молвила так и вышла.

— Девушка! — Хорошенькая розовая блондинка, растопылив нос, очутилась рядом. — Сейчас только ступила... на шпильках! Бери!

Она протянула девушке картонную коробку.

— Что вы! — отшатнулась та, но блондинка сунула ей туфли.

— Позови пять-сорок два-двенадцать. Маше Шубиной! — крикнула она и легко спрыгнула на мостовую.

А му л е т

Они вошли в вагон вместе — женщина лет тридцати в скромном платье, с взнузданной щекой и молодая девушка, тоненькая, легкая и яркая, как колбаса. Черные руги и плечи резко выступали из алого, с золотой каймой платья. На стройной шее, как приток на стебле, красная маленькая круглая голова с вышуклыми, ярким ротом.

Но лучше всего в ее лице были большие, литарные глаза. Это были веселые глаза, и лишь в самой глубине их тлела искорка не то грусти, но то правдивого, застарелого страха.

Поверз алого платья на золотой девочке висел амулет — человек с птичьей головой.

На них не обратил особого внимания. Огромный город при-

зык к иностранцам всех цветов — от фирифово-белых дятлов до лилово-черных урюжков Берета Сливовой Кости.

Сильная женщина задержалась у билетной кассы. Девушку отпустили в клуб.

Снежка придергивалась рукой за спину сиденья, она глядела на прелестную маму шутника и думала, в ее глазах светилось детское любопытство.

В вагоне потемнело. Тяжелая черная туша медленно закрывала чистую синеву неба.

Широколицый, белокурый парень сидел у прохода, уткнувшись в книгу, и не сразу заметил девушку. Его выжили из вагона за гибкую черную руку на астральной ткани. Он поднял голову и встретился взглядом с несемыми аппаратными глазами.

Мгновение парень удивленно смотрел на девушку, потом встал.

— Садитесь, — незалево сказал он.

Девушка взглянула, не поняла. Парень выразительно указал на сиденье.

Девушка вдруг отпрянула. Игнорные глаза затряслись беснуясь. Она бросила спутнице короткую горластую фразу и поносившему вышла на платформу.

Парень оторопело смотрел ей вслед.

Кто-то тронул его за рукав. Рядом стояла истрганка с изуродованной шеей. Она здесь, только три дня, — с мягким акцентом сказала она. — Когда черной сидится на место белого, у нас (она коснулась своей щеки) бывает поток.

Ее слова заглумили удар грома. И сразу хлынул стремительный ливень. Косые струи валились в вагон. Пассажиры выскочили с мест.

Парень, помедлив, тоже вышел на платформу.

Девушка стояла у открытой двери летучка, примая, что откинув курчавую голову. Ливень хлестал ее магом, но она не двигалась. Лишь тонкая шапка торчала пелочу с аэлугоном.

Но ее влечет ручьями темла вода. Аное платало стало вишневым.

Парень решительно шагнул и вынул его из ливня девушки. Та резко оборнулась.

Косая вспышка молнии прорезала небо, грянул мощный удар грома, и ливень забушевал с поносив силой. А она стояла и глядела друг на друга. Неотрямо. Глаза в глаза. А вышедшая следом на платформу спутница девушки с доброй и грустной улыбкой сидела с аэлугоном.

Приблизилась остановка. Старшая что-то строго сказала младшей. Та вздрогнула, медленно спускала взгляд. И вдруг, пролетевшим гибким движением сорвала амугу с шеи, сузуда его в руку парню и вышла из вагона.

...И вижу этого парня вездеход дяди. Едва только после работы он проясняет весь маршрут из конца в конец. Иногда он сидит по два, по три рейса. Я привык и его курносою и его выжили из вагона глазами. Только я один знаю, что лежит у него во внутреннем кармане ливня, и у самого сердца.

И старый, глумливый трамвай. Я не знаю, помогают ли амуги. Хорошо, если бы помогали...

* «ДЛЯ КОГО МЫ СТАРАЕМСЯ!» * Отчего пустыют поселки?
* Наступление... назад * ПОТОМУ ЧТО БЕЗ ВОДЫ...

Ферганская долина. Целые поколения постов оттачивали на ней свое умение найти прямой и точный образ, поражающее слушателя сравнение... «Золотая долина», «Жемчужина Узбекистана», «Изумруд в горной оправе»... И действительно, «материал» для поэтической обработки тут богатый. Ферганская долина — один из самых красивых и плодородных уголков нашей страны. Огражденная от резких ветров, эта земля — самая населенная и распулненная в республике.

Но все же природа оказалась недостаточно щедрой. В центре золотой долины на десятки километров протянулись почти безжизненные, с редкими, чахлыми кустарниками, нетронутая степь с баллами солончакими, переходящая в песчаные барханы. Под беспощадным солнцем мгновенно выгорают травы, едва успевшие подняться в пору весенних дождей, пыльные свирчи сопровождают порывы знойного ветра с юга.

Веками лежала пустыня. Немного теснили ее деханы: вытгивали по границам длинные ряды, обсаживали деревьями, вручную саживали бугры и впадины, чтобы на клочке новой степи растил хлопок.

С приходом в Узбекистан Советской власти темпы наступления на пустыню резко возросли. Тысячи гектаров новых плодородных земель получили хлопководы после введения в строй Большого Ферганского канала — водной артерии почти в 500 километров длиной. Строительство этого канала — одна из самых героических страниц истории Узбекистана. С немощным трудом было подготовлено русло для сыр-дарьинской воды.

Наступление на пустыню продолжается и сегодня. Рокот мощных двигателей стоит над безжизненной прежде землей.

— Мы сотворем землю не хуже господ бога, — шутят ребята из мехколхоза.

И в самом деле, вода что значит освоить несколько гектаров пустыни! Прежде всего надо ножами бульдозеров срыть ольмы и барханы, затем — на скреперах — вывезти землю во впадины и зымы, сделать площадку ровной, как стол. Но не просто ровной. Вода будущим посевы хлопчатника нужно поливать, и вода, пущенная с края поля, должна равномерно растекается по всей хлопковой карте. Поэтому площадки должны быть не просто ровной, но и наклоненной под строго рассчитанным углом. Безузорочного мастера требует планировка земли.

Одновременно идет нарезка дрен, с помощью которых понижается уровень грунтовых вод, содержащих в себе губительную для урочая соль. А чтобы при будущих поливах грунтовые воды не накапливались и, поднимаясь, не засоряли поля, их отводят коллекторами.

В результате всего этого пустыня постепенно принимает обжитой вид. Но земли постоянно оживают лишь тогда, когда по каналу хлынет пресная вода. Она вымывает и солончак, и засоляющую землю, поднимает и солонцы кусты хлопка, заставляет зазеленеть ливды садов и виноградников.

...На границе пустыни стоят маленькие сборно-чтывые домики. Сюда к ночи съезжаются бульдозеры и скреперы. Здесь работают осветители Центральной Ферганы. Эти домики — форпосты наступления на пустыню.

Днем здесь некуда укрыться от палящего солнца. Немног зажиточный от тонкой белослой пыли, неподвижно висит над районом работ. Как на передовую, доставляют сода воду, продукты, почту. Здесь в одной из тракторных бригад второй год трудится мой друг, двадцатидвулетний комсомолец Акбар Рахматов.

Помню его первые мысли о товарищах по работе. «Я, наверно, никогда не научусь выносливости наших асов», — писал Акбар в прошлом году. — Смысл честно, мне порой хочется пойти в Фергану, где на улицах много толп, где торгуют холодной газировкой. Выплет там за меня лишней стачкачик этой воды...»

Но он не сбегал. Он сам стал касом — умелым и выносливым бульдозеристом. И в своей беседе мне, что его назначили бригадиром.

Я поздравил его и поравдовался за друга. Потому что одно дело — бригадир на многолюдной стройке, другое — там, где перед тобой, где ни единственного начальство, где не с кем порой посоветоваться и самому приходится принимать ответственные решения.

Однако спустя некоторое время в письмах Акбара появились неприятные нотки скройной любви и горечи. Прежде мной его последние письма:

«...Позавчера один наш парень, бульдозер, проехал напрямик через готовую арену и завалил ее. Я завалил его чистить. Вечером он мне сказал:

— Провалил власть? Натешился!

— Дурак, — отвечаю, — не понимаю, что говоришь! Для меня ты старшеешь, что ли?

— Для тебя, — говорит, — да для комсомольца. На кой яд работа? Если через полгода от этой аренды следа не останется — занесет...»

Мне нечего было ему ответить. Он прав. Да, не будет через полгода или год этой аренды. И поля, на которых мы сейчас работаем, останутся пустыни. И в домах, которые строят наши ребята из треста, никто не будет жить. Так на черта все наша работа! Для кого мы стараемся — для ветри...

Через несколько дней ночным рейсом я вылетел в Фергану. И наутро под крылом «ИЛ-14», на который я пересел в Ташкенте, проплыло, покочиваясь, огромное бурое пятно с обрамлением плотной сетью садов и полей хлопчатника. Центральной Ферганской области.

В течение двух недель я ездил по границе этого бурого пятна, разговаривая с председателями новых и старых колхозов, с комсомольцами Андижанской, Ферганской областей, с руководителями треста «Ферганаводстрой», который занимается освоением новых земель.

Да, Акбар оказался прав. На Багдадском и Кзылтепском массивах я видел освещенные поля, на которых ничего не растет, видел засыпанные леском коллекторы, видел и целые благоустроенные поселки, в которых никто не живет.

В одном из кишлаков Андижанской области пеленеро-учитель сказал мне, несведло усмехнувшись:

— Это должна парадоксы... В наших новых колхозах и совхозах не хватает людей, а наша молодежь едет на целину и в Голодную степь. Мы строим посевки, в которых живут скorpionы, а люди теснятся в обжитых местах. И все потому, что мы готовим поля, но не даем им воду...

Итак, речь идет о 170 тысячах (!) гектарах, лежащих без использования в центре Ферганской долины. Эти гектары издавна имеют людей. И не удивительно. При данных климатических условиях земля могла бы давать страна ежегодно тысячи тонн хлопка, риса, винограда, яблок, персиков. И поэтому вполне оправданы огромные субсидии государства на освоение земель Центральной Ферганы. Уже сейчас новые земли занимают значительное место в производстве продуктов сельского хозяйства в Андижанской и Ферганской областях. Показатели в этом отношении пример колхоза «Коммунизм», Ахунбабавского района, Ферганской области, расположенного по соседству с Большой Ферганским каналом. С гордостью показывали мне чистую поля председатели колхоза Убайдулла Кадыров, пертор Егитали Кузубиков и секретарь комсомольской организации Джимуаб Нисамов. Более свамсот гектаров занято здесь под хлопком. Молокята колхоза коммунистического труда борется за урожай в 35 центнеров хлопка с каждого гектара. Это почти в полтора раза выше среднего планового показателя. Земля стонцрей платит за вложенный в нее труд. И таких хозяйств десятки.

Но вот другой колхоз — «Янги-Кадам», Багдавского района, Ферганской области. Он был создан на новых землях в 1957 году. Прошло достаточно времени, чтобы обикти целину. За это же время колхоз «Коммунизм» прошел путь от первой палатки до большого рентабельного хозяйства с полным своим трудовым, большим и сплоченным коллективом. А в «Янги-Кадам» дела идут плохо. Между тем трудом обвинить председателя колхоза Махмуда Низаметдинова в отсутствии деловых качеств.

— Засолонные земли в наших колхозе, какой на них хлопок! — пожаловался мне молодой колхозник Сабир Ишвев.

— Но есть же Янги-Кадамский канал... попытался возразить я.

— А вы попробуйте эту воду — она солоная...

Да, именно в водном снабжении суть ферганской проблемы. Отсюда начинается все. В колхозах никак оплата трудодней. Трудодень же зависит от урожая, урожай — от воды.

А пресной воды для орошения почти нет. Потому и пустуют в «Янги-Кадам» ни много, ни мало — сто прекрасных четвертичныхных долом — целые урочища! Потому и мелеется на потрешенном «газике» председатель колхоза, пытаясь даже при остром недостатке рабочих рук хоть как-нибудь провести посев и уборку урожая. Потому и стоят, доходясь своей очереди, десятки и сотни, а по всей долине — тысячи гектаров земли, освоенной, но незаезвонной. А что такое земля, простоявшая год или два без посевов? Это многотысячные затраты на потрешную планировку, обводнение дорог, чистку каналов и коллекторов. А в зоне конуоющих песков, и которой относится колхоз «Янги-Кадам», эти затраты возрастают немалыми.

Яростное наступление ведется в Ферганской долине на бурое пятно пустыни. Но это наступление похоже на атаку без укрепления тылов. Кому нужны безводные земли, даже тщательнейшим образом спланированные! Кому нужны строительство и благоустройство поселков на этих землях! Это деньги, пущенные буквально на ветер. Ведь ирригационное и хозяйственное освоение каждого гектара пустыни стоит около двух тысяч рублей. Трудно даже примерно подсчитать убытки колхозов и государственных из-за повторных работ, которые нужно производить на полях, простоявших год-два без обработки и полива. Они огромны, эти убытки.

Но не менее огромным представляется вред, который наносит эта безхозяйственность воспитанию молодого поколения рабочих и колхозников. Только об одном примере написал мне Аибар Рахматов. А сколько других молодых ребят потеряли уважение к своему труду, к делу рук своих, наблюдая, как гибнут плоды их работы!

Совершенно очевидно, что в ферганской долине мы сталкиваемся с грубым просчетом проектировщиков. Без новых ресурсов бессмысленно осваивать новые гектары пустыни. А воды в долине пока очень мало.

— Строят Керкидонское водохранилище... — сказали мне в Ферганском облисполкоме. — Оно резко улучшит водоснабжение. Но не завтра, даже не через год и не через два наполнится гигантская чаша Керкидона. А освоение земель Центральной Ферганы начато девять лет назад. И темпы его с каждым годом все увеличивались. Да, не много как на щедрость алаха рассчитывали проектировщики при составлении перспективного плана. И теперь разлад между темпами введения в строй новых земель и их снабжением водой оборачивается миллионными убытками.

Где же истоки этой вопиющей безхозяй-

ственности? Мне кажется, сейчас стоит вспомнить время, когда начался этот штурм Центральной Ферганы. Это было десять лет назад, спустя некоторую времена после постановления о строительстве гигантского Главного Туркменского канала. Поделание масштабам — одно из болезненных для нашей экономики последствий культа личности. И не для того ли, чтобы как-то подыграть грандиозному намерению, возникло у тогдашних руководителей Ферганской долины решение в самые краткие сроки освоить все пустыню в центре долины, все 170 тысяч гектаров! Трудно чванливым объяснить эту «крупномасштабность».

Совершенно очевидно, что темпы освоения новых земель не соответствуют жизненной необходимости, а порой и здравому смыслу. Возможно, некоторым ферганским товарищам покажется неожиданным мое предложение, но анализ фактов приводит именно к нему: думается, что сейчас там, где не хватает воды, следует поддерживать освоение новых земель. И возобновить его лишь после введя Керкидонское водохранилища, на которое сейчас должны быть брошены все силы и средства. Решющее слово должно принадлежать здесь экономистам, агрономам, специалистам по водоснабжению. Они должны еще раз подсчитать рентабельность каждого освоенного гектара земли, памятуя слова Н. С. Хрущева, сказанные им за время его недавней поездки в Среднюю Азию, о том, что «...убыток, разумеется, ложится на плечи народа. Если... работать убыточно, это — плохой строительством коммунизма».

Хочется еще раз напомнить и о другом. Тысячи юншей и девушек трудятся на новых землях, осваивая их и засевая. Именно на них ложится основная тяжесть морального ущерба, вызванного безхозяйственностью. Об этом мы и говорили с Аибаром Рахматовым перед моим отъездом.

Мы стояли возле его расклевенного бульдозера, на острие ножа которого обжигало сияло знойное солнце.

— Статью Загядди читал! — спросил он, смахивая с бровей горячий пот. — Она нас много касается. У нас ребята что надо, то их видел. И совести рабочих нам не занимать. А у кого мало — поможем набраться... Нужно только, чтобы наши слова делом были обеспечены, как, к примеру, наш рубль — золотом... Чтобы, если кто непорочник, и с чистой совестью мог ему сказать: что ж ты делаешь! Ведь за нами люди идут, они за твой грех потом расплачиваться будут!.. А пока цифры наши — что пыль в глаза...

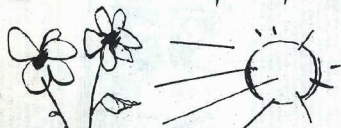
Фергана — Андижан.

фото В. ВДОВЕНКО.

Линь там, куда приходит вода, расцветает в пустыне жизнь.

НЕВИДИМКА

Роман ПОДОЛЬНЫЙ

Говорят, что потопившая кораблеурушение мучает не столько сама жажда, сколько картина окружающей их со всех сторон воды. Воды, которую нельзя пить.

Вокруг нас буквально во всеземных масштабах повторяются очень похожие трагедии, но всегда кончающиеся благополучно. Правда, эти трагедии происходят не с самыми людьми, а с их кормильцами — растениями.

Землю надо удобрять, это известно всем. Там не хватает фосфора, здесь азота, в третьем месте и того, и другого, и чего-нибудь еще... Но пойдете с образцами почвы этих полей в химическую лабораторию, и анализ огорчит вас ответом: есть и азот и фосфор. Да еще сколько! Даже в скудных подзолистых почвах их запасов хватит на многие десятки лет, а в черноземе — и на сотни. Не нужно заглядывать дальше школьных учебников, чтобы подсчитать, что в придури над каждым гектаром земли, поднимается чудовищных размеров столб атмосферного воздуха, в котором азота — восемьдесят тысяч тонн. Этого уже хватит на миллион лет.

А удобрения вносят в этом году. Надо было внести их в прошлом и в позапрошлом. Потому что правы не земляки, а агрономы. Что пользы было царю Мидасу от золота, в которое, согласно легенде, превращалось все, чего он касался, если пища тоже становилась золо-

Коротко об интересном

ЛАЙНЕРЫ НА РЕКАХ

БОРТ ТЕПЛОХОДА «ПРОФЕССОР КЕРИЧЕВ»

БОРТ ТЕПЛОХОДА «ВОЛГО-ДОН»

СВОРНЫЙ СЕКЦИОННЫЙ СОСТАВ

Недавно корреспонденты «Смены» отправились в путешествие по рекам и конструкторским бюро речников. Вот что они сообщили в редакции:

— НАШ теплоход назван именем замечательного ученого и конструктора, одного из творцов советского речного флота, это судно — последняя работа профессора.

Корабль-красавец приближается к Москве. Две тысячи человек толпятся в наших трибунах.

Одна из модификаций судов типа «Профессор Керичев» сможет с одинаковым успехом плавать по рекам и морям. С открытием Волго-Балтийской системы, вступившей в строй в 1953 году, суда этого типа смогут совершать рейсы от Красноярска до Клайпеды.

Прохода по «Волгобату», они будут шлозоваться лишь семь раз. А ведь сегодня, чтобы форсировать Мариинскую систему, надо проходить в тридцать девять шлозов.

— НАХОЖУСЬ на самом крупном речном грузовом судне в мире. В открытом трюме нашего теплохода, из искомого шкафа выдвигается и, таким образом, приспособленного под механическую разгрузку без применения ручного труда, пять тысяч тонн груза.

Сотривающая десятиметровая громада движется с колоссальной для речных грузовых судов скоростью — 21 километр в час. Такая быстрота обеспечивается двумя дизельными установками мощностью в тысячу лошадиных сил каждая.

В ближайшие годы суда типа «Волго-Дон» станут основным ядром грузового речного флота нашей страны.

— ЭТОТ состав будет почти в четыре раза больше самого крупного речного судна. Пока что он существует лишь на листах ватмана.

Вот небольшой теплоход-толкач. Однако у него богатырская сила — четыре тысячи лошадиных сил. Вперед толкает — баржи-сквины. Их десять, и каждая — грузоподъемностью около двух тысяч тонн.

Десять тяжеловесных железнодорожных машинистов — столько груза способен везти этот состав.

С листов ватмана на голубую гладь рек он сплывет в ближайшее время.

ЧУДО — ДОМ

Передо мной — пятиэтажное здание с широкими окнами, облицованное серо-белыми плитками. Слово по команде, открывается парадная дверь из полупрозрачной пластмассы с широким вентилятором. Отсюда, мягко шурша, движется вверх эскалатор.

Вот и третий этаж. В квартире слева живет мой приятель. Большая комната залита потоком рассеянного света. Он льется из широких окон, но, странное дело, здесь светятся и стены, словно сложенные они из сотен тысяч светильников.

В комнате прохладно. Мой друг заметил, что я потянулся, и спросил: — Холодно? Это с детства не любию, но для гостя...

Он подошел к пластмассовой пластине, упрямленной на стене, и повернул рычажок. И тогда из от стены повалил тепло. По индикатору побежала стрелка. Вот она

Кто кого

Из репродуктора, упрямленного на маке, лились тихие звуки скрипки. А лодь самак его разбургом сидел ластрий дельта и, как ни в чем не бывало, выстукивала: тук-тук-тук...

Соревнование оно так довольно было. Наконец репродуктор сдвинулся. Музыка стихла, а дельта продолжала свою работу. И сфотографировала победителя на пароход, совершавший обычный рейс по Ладожскому озеру.

ЭКОЛОГИЯ

том! Хорошо только то богатство, которое может быть использовано.

В почве азот и фосфор связаны в сложных соединениях. Собственно, сами эти соединения — остатки погибших растений.

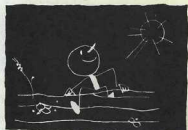
Мы привыкли к тому, что растения по сравнению с животными неприхотливы. Были бы свет, вода, углекислота да кое-какие минеральные вещества — и все в порядке.

А ведь и растения по-своему капризны. Они умеют употреблять ель пищу соединения элементов лишь в очень простом виде. Например, если азотной кислоты они примут с благодарностью, а от сложной гуминовой кислоты, в которой тоже имеется азот, откажутся: мы, дескать, простые, неученые...

Самые обычные строительные кирпичи состоят по крайней мере из песка и глины. Но использовать для сооружения зданий только глину нельзя, хотя она и кирпич самый важный компонент.

Растению нужен азот. И оно буквально купается в азоте: этот воздушный элемент проникает в составе воздуха внутрь листьев и к кончикам корней. От него не уйти. Но пшеница и дуб, береза и лиственница, как изголодавшие дети, отказываются от того, что им предлагается в любой момент и сколько угодно. Это, между прочим, один из удивительных парадоксов эволюции живого мира.

В чем же разгадка?

Член-корреспондент Академии наук СССР Евгений Николаевич Мишутин постигал такой опыт. В одну кадку положил десятисантиметровый слой переставленного, взятого прямо с поверхности. В другую — такой же тонкий слой, только находившийся до этого на глубине в 30–40 сантиметров. В обеих кадках посеяли пшеницу. Химик сказал бы, что количество азота и фосфора в тул и там одинаково. Но в первом

КОНЦЕРТНОМ КОРО

перешагнула двадцатое деление. В комнате становилось все теплее и теплее. Ртутный столбик приближался к тридцати градусам.

— Ты лано перестарался! — сказал Я. — Открой форточку!

Прителе вместо ответа переставил ртутный столбик на пластмассовую дощечку в другое положение. И тут же от стел, которые несильно минут назад источали тепло, потонуло пламя. Термометр опустился до 20 градусов, потом показал 15 и, наконец, 8.

Вас, наверно, заинтересовали колесные изменения температуры в комнате. Научи известно, что достаточно полупроводники присоединить к источнику электрического тока, или они в зависимости от направления тока будут нагреваться или охлаждаться. Стены в этой квартире покрывались массой, в которой заключены полупроводники. Поэтому здесь так просто регулировать температуру.

Ну, а обон, заменяющие электрическое освещение?

Еще в конце девятнадцатого века ученые заметили интересный явление: некоторые кристаллы под воздействием электрического тока начинают светиться. Вот и для дома были подобраны такие вещества, которые при наведении на полупроводниковые обон освещают комнату.

Несколько часов провела я в доме, где электрики, полупроводники и другие достижения науки и техники обон воедино. Помимо полупроводников не только на производстве, но и в быту. Поверьте, все, что было здесь рассказано, не является предметом досужей фантазии. Правда, такого дома еще нет, но...

В Институте строительной физики и ограждающих конструкций идет работа над электротехническими обонями. В Научно-исследовательском институте санитарной техники и инженерного оборудования созданы установки искусственного климата. Полупроводниковые «плечи» охлаждают и обогревают в институте, уже длительное время институт охлаждает или нагревает помещения.

Светящиеся стены явились результатом изысканий научных сотрудников ряда институтов Академии наук СССР. Придет немного времени, и в репортаже из построенного «чуждого» мы расскажем, как практически воплотились в жизнь поиски ученых.

Н. ТЕТЕРИН

КИТ - фотограф

Билбо — так зовут кита, что запечатлен на этой снимке. По специальности он фотограф, самый большой и сильный фотограф в мире. Билбо живет в огромнейшей морской аквариуме в Калифорнии (США). Специализируется на портретах.

Съемка проходит так. Тренер направляет фотокамеру на объект и дает звонок — сигнал для Билбо. Он означает: камера готова, можно фотографировать. Прокрок из воды — и Билбо ударяет головой по подвижному над водой яличку, совмещенному со спуском затвора фотоаппарата. Через десять секунд универсальная камера выдает готовую фотографию, на которой запечатлены клиент в обществе самого Билбо.

После этого кит получает свою скромную заработную плату — рыбешку. Ее дает ему тренер с емаского мостика, и Билбо в этот момент показывается перед зрителями во весь свой великодушный рост.

В ПОИСКАХ «МНОГОГО»

Под таким заголовком в «Смене» № 16 был опубликован репортаж, в котором рассказывалось о недостатках в планировании и организации перевозок грузов на транспортных артериях нашей страны.

На критические замечания, содержащиеся в репортаже, редакции ответили заместитель министра путей сообщения СССР С. Ф. Начученко, заместитель министра морского флота СССР Ю. В. Савинков, член Госплана РСФСР В. А. Меркулов, заместитель министра речного флота РСФСР П. В. Черевко. Все они указали на важность решения поднимаемых на страницах журнала вопросов, на справедливость критики, на то, что еще многое нужно делать для улучшения планирования и рационального распределения перевозок.

Но вместе с тем ни в одном из писем мы не нашли ответа на вопрос, как будет пополен конец порочному планированию перевозок, бездейственности в организации некоторых грузозаказывающих в организации некоторых грузозаказывающих по фактам, изложенным и прокомментированным в репортаже. Это обстоятельство лишней раз свидетельствует о том, что решение проблемы координации транспортных перевозок должно быть сосредоточено в едином центре.

случае роста бурно устремились к солнцу, а во втором — заглохли. Ученый ждал такого результата. Потому что на поверхность soils почвы, где много тепла и воздуха, растения помогают миллионы зеленых помощников — микробов. А чем глубже, тем их меньше.

В басне Эзопа мыши спасли прairieзерно их льва. Ну, во сколько раз лев больше мыши? В тысячу, в несколько тысяч раз, если измерить разницу? В весе. «Рядовый» микроб весит меньше, чем пшеничный колос или дуб, в целые квадратные раз.

И а то же время он просто вырывает гнильца — тот же него вообще не может существовать.

Проводники жизни

Жизнь каждого кубического миллиметра почвы, где бы ни находились, связана с микрорегуляторами. Когда ветер и вода разрушают, измельчают корневую породу, азотистого своего рода заготовку, полуфабрикат почвы, микробы в отличие от растений не ждут, пока все будет готово. Они тут как тут, принесенные своими сотрудниками — водой и ветром. Им так немного нужно — чуть-чуть света, чуть-чуть тепла. Одним словом, лишней органической вещества, которое содержится в разносной ветром пыли. Другое умение разложить даже камень, отбирая у него нужные им химические элементы; выделяя кислоты — от углекислого до азотной и серной; микрорегуляторы расширяют щели и углубления в камне. Так мельчайшие из живых существ прокладывают путь другим формам жизни. Растения появляются уже на сравнительно хорошо подготовленной почве, но и дальше они не могут жить без микробов. Микробы становятся первоначальными питательных материалов и даже поварями для своих больших «родичей».

Спасительная эстафета

На гигантской кухне микробов, занимающей миллионы квадратных километров, существуют сложные и широкообразные «производство» и «рабочие», которые имеют десятки разных специальностей.

На обычном заводе, чтобы полностью обработать деталь, ее передают с одного станка на другой. Так и здесь.

Прежде всего белки и другие сложные органические вещества разлагаются с выделением аммиака. Здесь трудятся представители чуть ли не всех главных групп микробов — каждый стремится приложить к этому свою руку.

Конвейер движется дальше, и к делу приступают бактерии — узкие специалисты и монополисты. Особая группа бактерий окисляет аммиак в азотистую кислоту. Другие бактерии превращают азотистую кислоту в азотную. И что самым в этом какой смысл? Бактерии используют эти соединения не для питания. При реакциях с кислородом часто выделяется тепло, энергия. Бактерии, окисляющие аммиак, и забирают эту энергию в качестве «зарплаты».

Азотная кислота и ее соли не только нужны растениям сами по себе. Азотная кислота становится оружием. Она стремится соединиться с металлами и вступает за них в борьбу с нерастворимыми минеральными соединениями. Азотная кислота — сильный сорерник, ей противостоять трудно. Отдав ей металл, соединения фосфора и некоторых других элементов легче растворяются, побеждают на борозде выходят все те же «эксплуататоры» микробов — растения, которым нужен фосфор.

Мы привыкли восхищаться огромной созидательной работой расте-

Когда балерина заданье

ПОРТРЕТЫ МОЛОДЫХ

А от пять назад в наших газетах и журналах все чаще стали появляться слова «танец», «балет», «хореография». Письма и статьи были тревожащие. Не многие постановки — такие, как «Глаз» или «Родные поля», — публики почти перестала ходить. В чем дело? И наконец, как «СОС», в одной из глав пресловутой восточной на первый взгляд заголовки: «Когда же балерина затанцует?»...

Действительно, в нашем балете в последние годы стали танцевать все меньше и меньше. Вернее, танцевала, но... в промежуток между действием. А все остальное, все происходящее с героями, актеры, привыкшие к сложному и условному языку классического театра, объясняли жестами, мимикой — одним словом, бытовой пантомимой.

Когда артисты объявляли о новой балете — «Сказ о каменном цветке» С. Прокофьева в Большом театре в постановке А. Лавровского — и на сцене появились герои баловских сказов — умел Давида, его подружка Катерина, Хозяйка Медной горы — зрители, пришедшие на спектакль, снова почувствовали, что им скучно. Все ждали уральских диалогов — оставших номеров, то есть диверсификата, ради них они и пришли в театр.

Разговоры теоретиков и практиков хореографии о том, что балет нужно прибавлять и искусство драматического театра, были чудными сидения в зрительском зале. За жал, когда же балерина затанцует. Балерины ждали, когда им дадут эту возможность.

Догадывание пришло неожиданно, в спектакле почти с тем же названием. На сцене

Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова появились: «С. Прокофьев, «Каменный цветок». А ниже стояло мало кому известное имя постановщика — Ю. Григорьев. Это был совсем новый спектакль. Советскому балету снова вернули танец.

Вскоре после второго рождения «Каменного цветка» о нем начался очень много спорить. Григорьев называл новатором и даже революционером. На мой взгляд, дело здесь обстоит значительно иначе: в балет пришла не испрошенная истина, не «чужое» в желтой кофте», а очень талантливый художник, умеющий мыслить самими танцем.

Трудно сказать, почему именно Григорьев вернулся танцу танец как и вообще сказать, откуда и почему рождается каждая талантливая вещь. Молодой балетмейстер сам был танцовщиком, сам участвовал во множестве спектаклей, где танец был «вторым актом», но его не заложила тотальная рутинная, он хотел работать. В то время в театре имени Кирова это было нелегко сделать. И, выступая в спектаклях как танцовщик, Григорьев начал работать балетмейстером в самостоятельности. Здесь он мог искать, пробовать свои силы как постановщик. Значительно позже родился его «Каменный цветок».

Совская хореография долгое время шла по пути создания многоактных сюжетных балетных спектаклей. В ней, как и в драме, старались играть. Но балет — искусство образное, он тем и отличается от драмы, что может передать такие оттенки человеческих эмоций, о которых не расскажешь словами. Об образности танца, о стетидности балета забывал.

В «Каменном цветке» балетмейстер, на первый взгляд, пошел по пути, на котором были его коллеги: так же, как и раньше, главными местами спектакля стали сюжетные конфликты, так же, как и прежде, основой балета было действие, но раскрылась здесь это действие в танце. Когда на сцене показывалась Хозяйка Медной горы и то лукаво, как змея, обвивалась вокруг зарождающегося Давида, то юркой шпорой стемлалась по земле, зрители не нужно было заглядывать в либретто: характер загадочной и властной красавицы родился из ее движений, из танца.

За Григорьевым утвердилась слава новатора. Все мнения сложились на том, что его стилизм — это поэтическая сказочность. Все с интересом ждали появления его новой работы — «Легенды о любви» по пьесе Н. Хикмета.

Балетмейстер вновь вывел на сцену поэзию, слова подхватила танцевальному характеру каждому из персонажей спектакля. Его герои не играли состоянием — они танцевали его; они не объясняли сюжета жестами — они танцевали сюжет. «Легенды» покорила, очаровывала, восхищала. И то, что ошамомало пять лет назад, теперь уже было знакомо. Но в «Легенде о любви» было и нечто совершенно новое.

Это новое маленькую не в остро сюжетных местах балета, а в так называемых внутренних монологх. Внутренние монологи успешно стараются привить в драматическом театре. Более удачно они получаются в кино. Вы помните крупный план лица на экране, устремленные вдаль глаза актера и голос за кадром, комментирующий мысли героя? Но

ний, 30—100 миллиардов тонн органического вещества вырабатывают они в год. Но у этой работы есть другая сторона — все эти миллиарды тонн надо разложить на простые соединения, а это делают микробы. Если учесть, что они принимают участие и в синтезе органического вещества и в возвращении в атмосферу кислорода, то микроорганизмы будут выглядеть рядом с растениями по меньшей мере равноправными. Спелая земля эстафету микробам, готовящимся к умерению растений и буквально на самих себя пишу для новых поколений растительного мира!

Почему землю пахнут?

Каждую весну плуги заново нарезают оттаившую землю. Подсчитано, что за год во всем мире они перерабатывают около 10 кубических километров грунта. Много это или мало? Вот простое сравнение: все реки мира несут во все моря ежегодно меньше твердых веществ. Для чего нужна эта работа? Пожалуй, самая главная цель пахара — создание «комфорта» для почвенных микроорганизмов. Человек заботится о своем комфорте в борьбе за урожай. Он слышит за тем, чтобы как можно глубже и ниже проникли воздух, тепло, свет. Но ведь микробы и открыты во всего лишь сотни лет назад, а землепаху — тысячелетия! Человек всегда был великим практиком. Еще не умев узнавать истинные причины явления, он запознал их взаимосвязь.

В 1836 году французский ученый Бюссон поставил опыты, из которых следовало, что бобовые растения могут использовать азот воздуха. Через двадцать лет он «для очистки совести» повторил опыт. На этот раз ученый, чтобы избавиться от возможных следов азотных соединений в почве, пролил песок, раньше чем посадит в него растения. И с горечью убедился, что двадцать лет назад допустил ошибку: бобовые не смогли пользоваться азотом воздуха.

Н. ЧЕРНОВА

Вода...

очень трудно точно и глубоко рассказать таким способом, что герой сейчас чувствует. В кино и там же случается на помощь приходит музыка: ведь большинство музыкальных произведений — это внутренние монологи компози-

торов. И вот в балетном спектакле «Легенда о любви» повзрослевшие сцены, которые, пожалуй, точнее назвать «эпизодами», мимовещие. Столкнувшись в спектакле три человека, каждый своей душой от своего, каждый мимически свое, что-то должно происходить. Но до того как начнет развиваться сюжет, на секунду замерли фигуры актеров, исчезли в темноте декорации. В трех лучах прожекторов, как в кругах, отграничивших их от всего внешнего, танцует, думает, свои думы каждый из трех героев. Заканчивается свет, продолжается действие... Вы можете очень подробно рассказать, что дальше происходило в спектакле, но вы никогда не передадите словами, что вы поняли, не передадите все оттенки настроений героев в эти оставшиеся моменты. Все это можно и выразительно сказать танец. Для этого балетмейстер до предела обождал сцену и возможности искусства танца, его специфику. Григорьев подумал здесь старое, но часто забываемое правило: каждое искусство должно говорить на своем, только ему присущем языке.

«Легенда о любви» — мифотворительный спектакль балетмейстера, но он определил творческий путь художника, показал, где, в каких областях лежит его искание. Любители балета ждут новой работы Григорьева, ждут с нетерпением и с полной надеждой, что в его спектаклях балерина будет танцевать.

Потребуется еще тридцать с лишним лет, чтобы немцы Гельригль и Вильфард, сравнивая по потреблению азота из почвы овес и горох, в доминанте снае обнаружили, что горох процветает по сравнению с овсом благодаря сотрудничеству с клубеньковыми бактериями. При этом азот накапливается и в почве.

Это было сенсацией. Вскоре выяснилось, что именно боб из воздуха — свойство редкое, но не исключительное.

Русский ученый С. Н. Виноградский открыл свободно живущие бактерии, не привязанные к какому-то определенному семейству растений, но тоже способные усваивать азот. Клубеньковых бактерий снабжают пищей клевером. На легких хлебах они в состоянии дать на гектаре от 100 до 400 килограммов азота. Бактерии воливые дают от 10—20 до 500 килограммов.

Но именно эти «устойчивые» микробы-аутофаеры вносят в народную азотную почву азот. Это их существование и дает ответ, пусть запоздалый, на загадку, о которой мы говорили в начале статьи, — о загадке земли, истощающейся столетиями и все-таки не истощаемой до конца.

Только пахоть — мало

Теперь, когда человек знает, зачем он пахет, перед ним встал еще один вопрос: как добиться, чтобы микробы работали лучше?

Пока что эта задача решается чисто количественными способами: армия получает подкормления. Семена перед посевом заражают культурами азотфиксирующих бактерий (или клубеньковых, если речь идет о бобах).

Новые колонии борцов за плодородие, вступаая в бой, ускоряют природные микробиологические процессы. Подсчитано, что нитрогены по весу почвы микробы заменяют во многих отношениях целые тоны химических удобрений. Еще бы: ведь бактерии, внесенные человеком, не только работают, но и размножаются. Удобрения, которые после внесения пребывают в земле прибавляют многократно в весе, — хороший союзник в борьбе за урожай.

В Советском Союзе работают уже заводы по производству нескольких типов бактериальных удобрений. Надо заметить, что особенно пользуются урожаем такие удобрения не на бедных, а на сравнительно богатых органическими веществами почвах. Они ускоряют разложение до минеральных солей обычных органических удобрений, повышая их эффективность.

Уже разработаны и разрабатываются комплексные бактериальные удобрения, в которых представлены микробы всех видов — те, что разлагают органические соединения, и лопаты азота. В стане микробов сотрудничество разных видов живых существ широко развито. Человек сумеет использовать для своих целей работу крошечных существ.

Спутники не должны быть случайными

Первые опыты с бактериальными удобрениями не всегда бывали удачны. В чем дело? Оказывается, бобовым не все равно, какая форма клубеньковых бактерий питается у их стола — корня, а бактерии, в свою очередь, лучше развиваются рядом с теми видами растений, с которыми сотрудничали их предки.

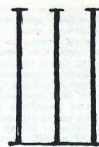
И ученые ждут настанут эти требования: они налаживают взаимоотношения природных сожителей, вмешиваясь в их семейные дела. Спутники не должны быть случайными! — вот один из лозунгов микробиологов-почвоведов.

Агрономы заметили, что на полях, которых влажной весной «запахают» до микроскопических водорослей, осенью получают урожай. Синие-зеленые водоросли тоже умеют брать азот там, где его всего больше — в воздухе. А уж на злитых водой рисовых полях водорослям сотрудничество не мешает. Идут многообещающие опыты по использованию их в качестве удобрений.

Но микробы умеют освободить и связывать не только азот. Бактерии могут, например, окиснить почву от лишнего сероводорода. Фосфор и железо, марганец, медь, сера в своих соединениях соединяются их власти. А все это элементы, жизненно важные для растений.

До полного и сознательного управления всеми микробиологическими процессами в почве еще очень и очень далеко. А ведь, наверное, можно подумав над созданием для микробов наиболее выгодных условий работы, комбинировать обычные удобрения с бактериальными и с новыми, еще не созданными, вызывающими усиление полезной работы микробов.

Перспективы безграничны. Человек должен позаботиться о том, чтобы почва еще сильнее была голодомая частая голодомая растению, среди изобилия пищи ушла в прошлое на всех полях и почвах мира.

офер Антон Межулка, придя в обеденный перерыв домой, встретила на лестнице почтальона.

— Вам открытка — сказала почтальон. — Я бросила в ящик.

И верно: сквозь отверстия в фанелке выглядывала открытка в ящике, прибитом с внутренней стороны двери. Дверь была заперта. Антон приподнял половичку, под которой мать обычно оставляла ключи. Ключи не было. Мать с утра собралась поехать в садоводство за рассадой. Антон сам не знавал писать письма и потому считал, что по пустякам за порошк не возьмется. Наверное, в открытке что-то важное.

Антон попробовала подгляднуть открытку к прамы прочинным ножиком и зацепить ее ногтями, но лист был слишком глянубж, пальцы не доставали. Неудача заставила Антона окончательно увернуться в мысли, что открытка содержит важное сообщение. Он выпросила у соседей-филиателаста пинцет и смялся им вынуть открытку. В конце концов пинцет упала в ящик. Теперь уже не оставалось никаких сомнений в серьезности дела.

Через отверстие было видно, что текст написан на машинке. Стало быть, что-то официальное, но лист был слишком глянубж, пальцы не доставали. Неудача заставила Антона окончательно увернуться в мысли, что открытка содержит важное сообщение. Он выпросила у соседей-филиателаста пинцет и смялся им вынуть открытку. В конце концов пинцет упала в ящик. Теперь уже не оставалось никаких сомнений в серьезности дела.

Тут Антон вспомнила, что открытку наладобие этой он научила в прошлом году из районной библиотеки. В ней предлагали явиться, не задерживаясь, и сдать книги, про которые Антон Аллево забла.

Все понятно, сегодня уже двадцать второе июня, а когда он взял «Похожения бравого солдата Швейка»? То ли двадцать пятого декабря, то ли пятого января. Хорошо еще, что он два книжку своему приятелю Кляму. Антон пошла к Кляму.

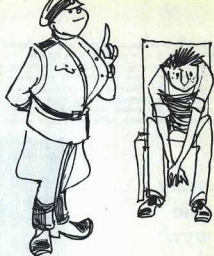
Но, как выяснилось, у Кляма «Швейка» взял соседер Зиритис, а жена Зиритиса отдала книгу своему отцу, который живет в колхозе. Антон осела на мотоцикл и уже через час явилась в библиотеку. Библиотекарша удивленно тарачилась на пыльный комбинезон Антона и разломочивая ветром русые волосы.

— Книгу принесла, товарищ Межулка? Вот хорошо, я уже собралась открытку вам показать.

— Значит, писала не вы? Жаль. Тогда мне было бы ясно. — пробормотала Антон и стремглав выбежала из библиотеки.

— Шофер Межулка сегодня какой-то чудной. Выдался в грязном комбинезоне, копачет что-то неразумителное. То ли пьян, то ли влюбился, — рассказывала библиотекарша почтальовне, которая принесла свежие газеты.

Выйдя из библиотеки, Антон хлопнула себя по лбу. И какого черта он гонел за книжку, когда дело было абсолютно ясно, — в почтовом

Я В КА

ящике лежит повестка страхового агента. Антон совсем упустила из виду, что, застраховавшись, надо своевременно платить взносы. Тогда такая же открытка уже раз написанная за обычному Антону о его обязательстве.

В филиалде Антон получила задолженность. — Такая уж шоферская судьба, — вздохнула своей агент по страхованию. — Вот Витолу с промкомбината вчера заводил машину, и руку ему переболел. Потом сам раздался, что застрахован. Вот отчего шоферам платят без наименований.

— Так вы не вызывали меня?! — И Межулка хлопнула за собой дверь.

У двери своей квартиры не на шутку встревоженный Антон изучал сквозь дырочки едва видимые буквы. Славил дескток пинцет, но не сдалась открытке, что, кроме «явиться» и «не задерж», еще видно «вить».

Ага! «Явиться», не задерживаясь, в автоспецком — вот что там сказано! Правильно, бухгалтер говорил, что утром, когда Антон вошла со станции соль, позвала автоспекактор и спросила, где шофер Межулка.

Значит, тот парень все-таки заявил... Антон послела минутку на ступеньках, затем вздохнула: «Будь что будет...» — и поутру пошла в милицию.

Грустный автоспекактор, наклонив свой борцовский затылок, взглянула на Антона строго, поскольку уже давно постиг истину, что безгрешники шофера бывают лишь в день сачки экзюмнов на водоткал, да и то лишь до вечера.

— А, Межулка! Сам явился? Садитесь. «Что было, то было. Выдать не стану, легче отдамся», — подумала Антон и, робко поглядывая сквозь упавшие на глаза белобрисые пряди, заммыла:

— Я расскажу, как на самом деле все было. Я ж без умысла...

— Говорите конкретнее. Чего полетите вокруг да около?

Рисунки В. НЕДОГОНОВА.

Познакомьтесь: ЛЕМКА

Фото И. НЕМИНОВА.

Этого четвероногого зверька зовут Лемка. Он отпоникивает телом на клещичу «Малыш». Малыш — потому, что его видны сосиски медленными. А Лемка — потому, что он лемуру — представитель древнейшие на земле полуобезьяны.

Вид, к которому принадлежит Лемка, обитает только на Лунных островах, отсюда Малыша и привезла его хозяйка.

Ирина Николаевна Суханова — зоолог. Она ходила в район Иддагаспара на оловоторфическом судне «Вытязь».

Ирина ласково общилелени, любителен, поводителен, детелен и проржине. Он дружит с женой своей Сухановой. Играет с Аленькой, встречает ее лалу, «помогает» писать письма бабушке и вообще чувствует себя на своем месте.

Мирервалд БИРЗЕ

РАССКАЗ

СЛОВИННОЙ

Антон так съезжился, что на его стуле теперь поместились бы два Антона.

— В пятницу вечером ехал я из Риты. Спокойно, но боляше пятидесяти аршка. Ну, может быть, чуть больше. Догоню, значит, грузовик. Он мне не дает обгона, потому как не считает «Москвич» за машину. Я десять километров сидела...

— Стало быть, у вас эта точка на десять километров затянулась?

— Он ждал на всю. А у Ваверской корчмы на дамском подьеме спуск — не тише, я и обоела его. Тут это и случилось...

— Давей выкладывай все, как было.

— Я обогнал, а из-за бутра выскакивает мотоциклист. Я рванул вправо, но он с перепугу слишком близко к канаве привнес, мы свободно могли размыкнуться, да перепугался человек и...

— Значит, нарушила правая — производила обгон на подьеме и загнала в кювет мотоциклиста. Все ясно. Сами сознались.

— Да чуть-чуть совсем... только стоило фары. Я же не уехала. Я сам помог ему машину из канавы вытолкнуть, мы договорились по-хорошему, и он уехал в помятом порядке. Он сам сказал, что ждал за семьдесят.—Нервы, извилистые заполоудной открыткой, не выдержала, и Антон воскликнул:—Я же не удрал!

— Еще чего не хватало. Разыскали бы. Представьте ваши документы.

Инспектор исследовал водителское удостоверение Антона.

— Придется талон заменить.

Антон вцепился в ступицу. Хотя потопок был иде, одышко хамозло, будто наверх сидит под проливным дождем,—волосы сползли на уши, по лбу струился пот, и мокрый комбинезон прилипла к телу.

— Но поскользну за четыре года на вас ни разу не накладывали взысканий и призывая во внимание, что вы явились сами, без вызова,—Тут Антон резко поднял голову.—...честно все

рассказали и поскольку я надеюсь, что боляше этого не повторится...

— Не-не, ни в жизни!—воскликнул Антон.—Я даже конягу, если рысью бежит, не стану обгонять.

—...я вас только штрафую.

Выписывая квитанцию, инспектор деловито заметил:

— Если бы все приходило ко мне и сами сознавались...

На улице Антон напряженно вспоминал, заглянул ли он за квартиру, за электричество, выкуды ли в книжном магазине подлинное издание. Антон грустно вздохнул, махнул на все рукой и зашел в парикмахерскую.

Его обслуживала пышная молодая брюнетка Вера. На талоча она всегда отдавала предпочтение Антону.

— Бороду тоже? Вы же бритые мне раньше не доверяли.

Антон шевельнул рукой.

— Сегодня и побрийте. Мне товарищ подврал электробритву «Рита». Две недели, предусмотрительные инструкции, я ходил с выщипанной бородой и по утрам, когда бринулся, плакала. Мама потом воскликнула подраививала. Потом на левой щеке волосы начали седеть. Потом заболела зуб, пришлось вырвать... Вечера, на мое счастье, бритва отказала, а то я совсем загнулся бы — выбросить-то жал.

Вера приступила к бритью. Выскабливая Антону нижнюю губу, она спросила:

— Вы знаете, что завтра в «Юнолинек» открывают новый клуб? Подвезете меня на своем мотоцикле?

Антон промолчал: бритва зловеще алыгла к губе. Он зажмурился.

— Молчанье — знак согласия,—радоство заметила Вера.

— И еще сам не знаю, поеду ли туда,—указочно сказала Антон, когда Вера подправала бритву на ремне.

— Зато я знаю, что там будет аждаз из Риты.—Вера приложила бритву к подбородку Антона. Теперь Антон и шикнуть не смеет.—Значит, завтра в восемь вечера встречаемся у kiosка. Договорились?

Антон не сказал ни да, ни нет, и, таким образом, свидание считалось назначенным.

Прядя домой, Антон зашел в спальню, взял топор, чтобы сорушить дверь и проложить конец страдальца души. Однако открытки уже не было. Дверь отворила мать.

— Ты чего это с топором?

— Лущины вадо наколоты,—буркнул Антон.

— Паскмо тебе. На.

Антон читал открытку. «Т. Междуйка! Весной вы приезжали часто, потому надеюсь, что еще помните дорогу в наш кохоз. Вам и нашим товарищам Калму и Циритиусу, наверное, интересно знать, как работает сарапанный нами водопровод. Поэтому просим всех троих после работы, не задерживаясь, явиться к нам на открытке кохозного клуба. Чтобы не опоздать, пожалуйста автобусом.

По поручению правления Э. Зрингитер.

Весной в порядке шифрота он вместе со старшими из геражы Кланом и Циритиусом помог в кохозе «Юнолинек» подвести воду к скотному двору и наладить автопоилки.

Антон положил топор у плиты, потер лад и сказал матери:

— Все же есть на свете хорошие люди.

— А в весна это говорю,—содрачилась мать.

— Пускай Вера теперь ждет. Незачем было бритвой угрожать,—добавил Антон впопыхало.

— Мать в недоумении поглядывала на сына.

— Чудной ты какой-то. Грину, что ли! Ступай отсюда.

— Пойду, правильно. Завтра мне гулять до утра.

Перевел с латышского ЮРИЯ НАПЛЕ.

Малыш очень любит, когда приходишь к нему. Ведь с его приходом на столе и буфете появляются много мушкетеров, и пока жезлы заняты, можно — только не зевай — вдводем сядом всего попробовать. А когда все в

сборе, можно поласкаться, посидеть на плече, попопичить ланюста или сигарету. Но это все в прошлом. Сейчас у Лемми началась другая жизнь: теперь он «протисан» в Московском зоопарке.

том, кто может быть тренером, существует несколько теорий. Самая распространённая выглядит так: «А.— блестящий и очень умный игрок. Однако со временем, когда он кончит выступать, он станет превосходным тренером».

Что ж, А.— действительно блестящий и очень умный игрок. Задание тренера — для него актуально в жизни творчески. Он не будет лезть на передний план, растаскивая лопатки своих партнеров: для него важны не аплодисменты, а победа. Но если он придет к мысли, что нужно взять игру на себя, он возьмет ее на себя и сделает это не ради аплодисментов, а ради победы. Он первый советчик тренера, правая его рука. Он не спорит с судьей, не апеллирует к зрителям даже в тех случаях, когда арбитр ошибся. Он как говорит спортсмены, «режимит»: не пьет, не балуется табаком...

В общем, А.— блестящий и очень умный игрок... Проходит время, и А. кончает выступать. Он становится тренером, работает с классной командой. Работает год, два, пять лет. Но о нем говорят: «А. был блестящим и очень умным игроком. Поверьте, это сомнительный комплимент: люди помнят о том, что он был хорошим игроком только потому, что он не стал хорошим тренером».

Заманить условно А. подлинной фамилией очень легко. Но стоит ли это делать? Ведь каждый из нас без особого труда может вспомнить футболистов, баскетболистов, волейболистов, хоккеистов эстра-класса, которые сейчас работают тренерами и о которых по сей день говорят, что они были хорошими и очень умными игроками... А переберитесь в уме имена ведущих наших тренеров, и вы частично столкнетесь с явлением, так сказать, обратного порядка. Очень многие из них не были спортсменами высокого класса. В списках звезд первой величины никогда не значились воевоболит Михаил Сунгуров, хоккеист Крайний Чернышев, футболист Олег Ошенков...

Так, может быть, хорошими тренерами становятся те, кто не был игроком эстра-класса? Нет, не следует делать такой абсурдный вывод. Среди топ-классовых тренеров — не меньше в прошлом игроки. И, конечно же, не в всех заурядных спортсменах получаются отличные тренеры. Просто в блестящих игроках верят больше, чем в остальных. Им чаще и охотнее приглашают на тренерскую работу. Дело в том, что руководители спортивных обществ, точно так же, как и рядовые болельщики, становятся жертвами своеобразного типажка. При выборе кандидата в тренеры они руководствуются нехитрой формулой. Ни А., ни Б. еще никого не тренировали. Но А. был игроком блестящим, а Б. числился в разряде крепких середнячков. И, конечно же, для работника, пользующегося правом найма и увольнения (который почти всегда бывает хорошим администратором, но плохо специализируется в спорте), выбор в пользу А. кажется естественным.

В то время, когда Сунгуров, Чернышев и Ошенков были действующими спортсменами, их не прощали блестящую тренерскую карьеру. Видно, только потому, что в одних командах с ними выступали те, в кого верили больше — блестящие и очень умные игроки...

Итак, А. работает тренером год, два, пять лет. И вот, когда какой-то тренер из него не получилось два, наверное, и не получится. В общем, как говорят в таких случаях, А. «не оправдал возлагавшихся на него надежды». Какие надежды? Чьи надежды? Почему команда не выиграла, он должен был стать хорошим тренером!

Мне кажется, что у блестящего игрока шансов стать блестящим тренером столько же, сколько у великого актера — великим актером. А. если уметь, что очень многие хорошие режиссеры были посредственными актерами, надо будет прийти к такому выводу: «Шансов стать хорошим тренером у великого эстра-классика столько же, сколько и у середняка».

Но одно бесспорно. Тренером может стать только тот, кто сам был спортсменом. По-раз-

ному знают сцену званый театрал с пятидесятилетним стажем и молодой, скажем, тридцатилетний актер и молодой, скажем, тридцатилетний режиссер. Первый видел премьеры спектаклей, поставленных самим Стениславским, аплодировал самому Остужеву, имеет автограф самого Москвина. Второй, естественно, знаком с корифеями лишь по рассказам, лекциям, книгам. И все-таки на стороне второго огромные преимущества: он знает театр не из зала, а изнутри. Тренер должен знать спорт так, как режиссер — театр. Тренер должен знать спорт не с трибуны, как его знают болельщики. Для него спорт не зрелище, а работа, пусть даже очень интересная, но все-таки работа. Работа, а не отдых. Театрally, да же то, которые видели молодую Яблочницу, при всем

плохим спорщиком, если бы сплосвал. Короче говоря, я прибежк к одному из самых старых афоризмов:

— Нет правила без исключения.

Спор, как это бывает почти всегда, окончился ничью — каждый из нас был уверен в том, что прав именно он.

Я не боюсь признавать свои ошибки, но, откровенно говоря, я до сих пор убежден в том, что прав был я. Но если бы спор нас повторился еще раз и если бы мой оппонент вновь упомянул имя Феола, вместо обтекаемого «Нет правил без исключения» я бы сказал: — Ты не прав. Я не знаю, как работал Феола перед тем, как стал тренировать сборную Бразилию. Но я убежден, что он был спорс-

Александр ГОМЕЛЬСКИЙ,
заслуженный тренер СССР

ТРЕНЕР... КАК ЭТО?

их жваляни никогда не становятся режиссерами. Никогда не становятся тренером и болельщик, как бы значительными фундаментальными были его знания в том или ином виде спорта.

Как-то у меня возник спор с моим другом — старым инженером, большим поклонником и знатоком баскетбола. Спорил мы о том, кто может быть тренером. Я, естественно, доказывал, что тренировать может только тот, кто сам играл. Он же, обвиняя меня в кастовости, доказывал, что мал. мол. просто не допускаем в свою среду чужаков. Спор, казалось, не будет конца. Но вот мой оппонент с торжествующим видом — он был уверен, что срзлит меня, — выложил на стол килограмм туза:

— А ты знаешь, что Феола — инженер? А ты знаешь, что он никогда не играл в футбол?

Наш спор происходил в 1958 году, вскоре после окончания шестого чемпионата мира по футболу. Тогда в спорте героями номер один были бразильцы и их тренер Феола. Сообщение о том, что Феола не имеет никакого отношения к спорту, выбило меня из колея. Но я был бы

меном. Потому что он знает спорт изнутри, а знает спорт изнутри может только тот, кто сам был спортсменом. Если же ты прав и Феола никогда не занимался спортом, значит, успех бразильских футболистов — это не его успех, значит, Феола ничего команде не дал...

Я все же не убежден в том, что после этой итерации мой друг канигулировал бы. Зато я убежден в том, что переубедить меня не сможет ни он, ни сам Феола.

В общем, помните, как в учебнике по логике: «Не все люди — мужчины, но все мужчины — люди». Так и здесь: «Не все бывшие спортсмены — тренеры, но все тренеры — бывшие спортсмены».

По всей вероятности, я поступил опрометчиво, нечая разговор о том, кто может стать тренером, раньше, чем ответить на немаловажный вопрос: «Что такое тренер? Не уайблисьте! Спор это не так наивно, как кажется, и ответить на него совсем нелегко.

Перед тем как начать эту статью, я обложил-

Фото А. БОЧИННИНА.

ся грудой словарей. Из каждого я выписал значение слова «тренер».

«Руководитель тренировки, воспитывающий и подготавливающий спортсменов и соревнующимся и установлению рекордов» («Энциклопедический словарь»), «Тот, кто руководит чьей-либо тренировкой; спортсмен — специалист по тренировке» («Словарь русского языка» в четырех томах), «Специалист в какой-либо виде спорта, руководящий тренировкой спортсменов» («Словарь иностранных слов»), «Специалист по тренировке кого-нибудь» («Словарь русского языка», составленный С. Ожеговым), «Человек, профессионально занимающийся тренировкой кого-нибудь (спортсмена, приручаемого животного)» («Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Ушакова).

Не подумайте, что я хочу обвинить в невежестве или некомпетентности эти солидные издания. Нет, все формулировки абсолютно правильны. Но ведь правильным будет и, скажем, определение парка как рощи с аллеями для прогулок. Тем не менее всякий уважающий се-

бя директор обидится: во вверенном мне парке, скажет он, кроме аллей для прогулок, есть еще и всевозможные аттракционы. Вместе с тем он не вправе будет доказывать, что парк — это не роща с аллеями для прогулок: налицо и роща и аллеи.

Точно так же и с понятием «тренера». Все без исключения формулировки правильны, но ни одна из них не имеет права претендовать на исчерпывающую полноту. Я далеко от мысли придумать новое определение слова «тренер» уже хотя бы потому, что из этой затеи ничего путного не получится. Всякая формулировка должна быть предельно краткой, а сказать кратко и вместе с тем сказать все о том, что такое тренер, невозможно.

Коль споры мы пришли к выводу, что все определения правильны, давайте за основу возьмем любое из них и будем добавлять к нему недостающие звенья.

● Тренера частенько сравнивают с военачальником. Что ж, в принципе такое сравнение

имеет право на жизнь. Особенно в том случае, если речь идет о баскетболе. Скамейка, на которой сидит тренер во время матча, — КП, ноходка на котором он непосредственно руководит военными действиями: бросает в бой свежие силы, меняет направление огня и так далее.

Но, конечно же, разница между командиром и тренером велика (так же велика, как разница между спортивным пединком и военным бовем). Командир может и не советоваться с солдатами относительно предстоящей операции. Тренер же обязан это делать. В нашей — да, наверно, и не только в нашей — команде план каждого матча обсуждается совместно — и тренером и игроками. На таком «военном совете» право голоса имеют все без исключения. Тренеру, если, конечно, он не упрям и не самолюбив, иногда приходится даже менять принятое решение.

На чемпионате Европы 1959 года сборной СССР предстояло играть со сборной Чехословакии — командой очень сильной. С. Сладковичи и я пришли к выводу, что в первую очередь

нужно ставить Валдиса Муйжнису. После того, как состав команды был объявлен, к нам подошли Виктор Зубков и сам Валдис. Они, конечно, в тактической форме, попросили вместо Валдиса поставить Алана Самелова. Аргументация была такая: противник силен, за один тайм его не сломаешь—Валдис умеет «входить в игру» в любой момент, а Миша играет по-настоящему хорошо лишь тогда, когда его вытаскивают на площадку в самом начале матча. Мы изменили состав стартовой пятерки и не пожалели об этом. Семенов играл хорошо, а когда в начале второго тайма он погнулся в пятый «шорт», его заменил Муйжнис. Муйжнис, человек на редкость младновозрастной, тоже сыграл хорошо. А это значит, чем кончилось бы дело, если бы в стартовой пятерке был не Семенов, а Муйжнис? Баскетбол не статичен, тут от перестановки игроков судья может измениться.

Да, на наши «военных» советах его имеют право голоса. Но это вовсе не значит, что советовать надо всегда. Я, например, считаю, что «военный» совет на время игры должен быть дискуссией. На время матча должна быть установлена диктатура тренера. Когда идет матч, тренер—всегда начальник: он не советует, не просит, он приказывает.

В начале с ЦСКА на последнем чемпионате страны я заменил Яна Кручинина сразу после того, как он получил четвертое персональное замещение. Юрий Калнынин—он в это время был на площадке—правильно решил меня не заменять этого. Сейчас я убежден, что поступил правильно. Тогда некоей уверенности у меня не было. Тем не менее после того, как я принял решение о замене, я не колебался уже ни секунды.

Молодой, начинающий тренер должен усвоить бесспорную истину: в каждом матче, кроме главной цели—победы, есть еще и другие. Например, наигрывать того или иного варианта в боевых условиях, опробовав варианты, которые, конечно, никогда не сыграют, не единственный, но последний раз.

В 1951 году я тренировал баскетболист ленинградского «Спартака». Однажды нам предстояло сыграть товарищеский матч со сборной СССР. Тренировка велась в соответствии с оценкой своих возможностей, мы пришли к выводу, что выиграть не сможем. И мы решили отыскать вариант, над которым не задумало этого команда начала работать. «Спартак» проиграл тогда. Но игроки дежурили в раздевалке. И, что самое главное, они получили большое удовлетворение от этого програнного матча. А все потому, что мы не вбивали в голову фантасические планы о необходимости победы.

В 1958 году я уже работал с рижскими армейцами. Наша команда должна была играть со сборной США. Перед тем как ехать в Ригу, американцы играли в Ленинграде. Я специально выехал в Ленинград для того, чтобы все раз посмотреть, как играют наши соперники. Надо сказать, что этот матч ленинградцы провели прямо-таки превосходно: они были очень близки к победе. Назавтра мы встретили этот матч на как тренер, а как обыкновенный болельщик. В общем, как бы то ни было, но факт остается фактом: я первоначальную возможность команды и поставил задачу выиграть этот матч мы не просло проиграть, мы были разгромлены наголову. И главным виновником был я.

Бывает и так, что тренера выталкивают отцом. По натуре я не сентиментален, но тем не менее мне кажется, что зачастую отец является синонимом слова «тренер». Показательно, что тренера иногда считают отцом не только сами игроки, но и третьи лица.

Гунаро Муйжнисс недавно занимался в школе тренеров. Меня вызвали к директору школы, мое поведение было предметом разбирательства на партийном собрании. И вот тут что интересно, а тренерам всегда должно: ходя к директору, оправдываясь и давал объяснения, устраивал нагой саму Гундурю.

15 лет я работаю тренером. За это время у меня было не меньше 25 «дочерей» и 40 «сыновей». Поверьте, я на лу, их радости были

моими радостями, их огорчения были моими огорчениями.

Грош цена тому тренеру, у которого всякие взаимоотношения с игроками прекращаются после тренировочной игры. Грош цена тому тренеру, который не знает друзей своего игрока. Грош цена тому тренеру, который не знает, на каком языке знает его игрок. В общем, грош цена тому тренеру, который только «сверкал» по тренировке кого-нибудь».

Однажды один спортивный журналист расказал мне, какucose в судьбе Гавина Салимоя, одной из лучших центровых советского баскетбола, бывшего игроком олимпийского тренера Величко. Величко не только привил ей любовь к баскетболу, но только учил ее ловить и бросать мяч. Материальное положение Салимоя было неважно, потому что он получал в себя дома. Он кормил ее, помогал ей. Эту историю журналист поведал возмужавшему тоном. Я же, честно говоря, не склонен прилеплять к портрету Величко свои воспоминания. И вот потому, что он, безусловно, хорош. Но все дело в том, что очень многие тренеры—те, которых можно назвать настоящими тренерами,—на его месте поступили бы точно так жеи.

В еще большей степени, чем командиром или отцом, тренер имеет право именоваться воспитателем, педагогом.

Между школьными учителями и тренером, который работает со взрослыми, есть разница, нельзя ставить знак равенства. Авторитет учителя зиждется на том, что свой предмет он знает лучше, чем ученик. Тренеры же, например, в вопросах технического исполнения того или иного приема, как правило, являются пионцами. И в этом нет ничего удивительного. Нам, тренерам, приходится иметь дело с спортсменами высокого класса. Не могу же я, например, бросить мяч в корзину лучше, чем это делает один из лучших снайперов страны Юрий Калнынин: он ежедневно отработывает, шрифует, совершенствует это элемент.

Значит ли это, что тренер должен пассивно наблюдать за своим учеником? Нет, тренер должен не показывать, а рассказывать, объяснять. Я должен не соревноваться с Калныниным в точности бросков, я должен подсказывать ему, что он, сам, должен сделать в завершение в последнюю фазу броска. В общем, главная задача тренера в вопросах технического обучения—подметать недостатки, устранивать их.

Когда я пришел в рижскую армейскую команду, Майгисс Валдисик был одним из лучших дриблеров страны. Тем не менее совсем недавно Майгисс сказал мне, что я многому его научил. Думаю, это комплимент я заработал честным трудом. После того, как я нашей стране побывал в Гарлем Гробтотерсе, мы с Валдисиком внесли много коррективов в его дриблинг. А вот Алана Губиса я обучал даже азбуке дриблинга. Сейчас Губис в мастерстве ведения не уступает Валдисиксу, тем не менее он по-прежнему очень внимательно относится к моим советам.

Однако есть такой предмет, в котором тренер не имеет права быть слабее, чем игрок. Этот предмет—тактика. Если солдат знает стратегию лучше, чем его командир, значит, он служит под началом плохого командира. Тактика—это та же стратегия.

«Взник» учитель—педагог, тренер—тоже педагог. Вне зависимости от того, с кем он работает—с баскетболистами, пловцами или бегунами,—он должен быть бы немаложко бы Макиревич. Потому что он работает не только с футурами, баскетболистами и пловцами,—он работает с людьмии.

Итак, тренер—это вначале начальник, это отец, это педагог. Смогу все уверить, что перечень этот далеко не полный. Тренер должен быть еще и врачом, и массажистом. Он должен уметь и знать очень много.

Во тепер, как мне кажется, вам станет понятно, почему несостоятели всегда есть: «А—блестящий игрок, олимпийский игрок. Со временем, когда он кончит выступать, он станет превосходным тренером».

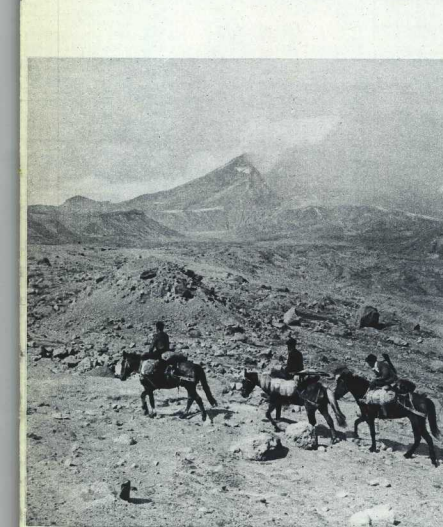
Когда в редакции «Смеия» задала рассказать о «Смеия», мужественных людях Дальнего Востока, об отважных исследователях камчатских вулканов, о тихookeанских китобоях, о суровой, прекрасной природе Курильских островов, то сразу же возник вопрос: кому поручить это ответственное задание? Выбор пал на человека, страстно увлеченного романтикой дальних путешествий, нежно влюбленного в природу, умеющего поточно рассказывать обо всех увиденном в пути,—фоторепортера Валдиса Гиллерейтера. Читатели нашего журнала уже знакомы с некоторыми из его фоторепортажей. Сегодня мы начинаем публиковать материалы специального корреспондента «Смеия» В. Гиллерейтера, которые он привез из своей многомесячной поездки по Дальнему Востоку.

Фоторепортаж В. ГИЛЛЕРЕЙТЕРА

С 3 на 4 сентября 1962 года вулкан-сейсмическая станция Алозоничи, что в 3 километрах от Толбачиной, зарегистрировала первое зарыв над вулканом. Что означало появление этого сигнала? Момент быть, огненно-индизкая лава излилась из кратера и провалилась впадины зияющая обширную блондобрзную вершину вулкана? Момент быть, лава выбрасывает высокие огненные фонтаны? Или в кратере образовалась нишица огненное озеро?

Мы не знали причины появления столь яркого зарыва над Толбачиной, и каждый рисовал себе картины извержения в меру своей фантазии и жаждал собственных глазами увидеть необычное. Рано утром 5 сентября нас небольшой отряд—старший лаборант Д. Стратува, фоторепортер «Смеия» В. Гиллерейтер, инспекционный рабочий Саша Павлов и автор этих строк—отправился на выходящих

МОНЕТЫ

Маленький отряд исследователей движется по застывшей лаве Бельмизинского к вулкану Толбачик.

дождя и Толбачику. И вечеру мы были у подножия вулкана.

Сентябрь на Камчатке — один из лучших месяцев. Молодой месяц стоит еще свежая и зеленая, а среди густых лесов неба уже бурлят звонящие шквалы. В кустах слышны шорохи и резкие, гортанные крики недровок. Листья ольхи побелели, а трава начала опорошиться в багряные и желтые тона. Югга под тяжестью росаков наклонилась к земле, видны все шероховатые наметчатой осени: темно-синий голубик, черная, налитая чуть сладковатым воднистым соком шишка и напоспелую красную бруснику образуют своеобразный натюрморт. Но вот кустарники, а следом и травянистый и моховой покров сменяются шланговыми, осликами, сменниками, ладьяновыми ручьями.

Мы разбили лагерь у самой вершины, недалеко от cratera.

Прошла ночь, полная бесполоноист. Ледяной ветер со снегом мелкозернисто трепал палатку. Раз двадцать ему удавалось поводить один из двух кольев, на которых она держалась, и тогда полотно начинало неустойчиво биться о землю. Мы вынырнули из спальных мешков, связывали параблесты о камнях напропыхавшие веревки и снова натравивали трепещущую на ветру ткань. Ветер не стих и наутро. Мы лежали в спальных мешках, плотно прижавшись друг к другу, и строили планы. Они ценным записаны от погоды, и мы гадали, а какую сторону она может изменить — при дальнейшем ухудшении нам лучше спуститься вниз.

К середине дня погода разгулялась. Ветер продолжал свирепствовать и местами колочил снег и песок. Но небо местами очистилось, и стала видна вершина Толбачику и клубившимся над ней густыми белыми вулканическими парами.

Решаем идти в кратер. Поднимаемся по модрозетным давам, снежинкам, по шланговым осликам. Под ногами попадаются звездчатые сростки кристаллов полевого шпата. Иногда они белые, иногда черные от приравающей их пленки блестящего, как ядро, вулканического стекла. Мы поднимаемся на плоскую вершину вулкана, и перед нами открывается действующий кратер. Сейчас он ничем нас. Ветер более или менее устойчив, дует в одну сторону, и мы имеем возможность спуститься в кратер и подняться вплотную и к краю огромного колодца в его середине. Глубина колодца — 100—150 метров. С северной, восточной и западной стороны на несколько десятков метров по отвесу стены его состоит из спального льда. Со дна этого ледяного колодца, приоткрытого во многих местах, присыпанным черными вулканическими песком, на невидимую глубину уходит

нижнего изменного отверстия диаметром 10—15 метров. Стены его раскалины, и в нем кипит иррова-красная лава. Вот уж воистину сочетание — лед и пламень! Отсюда, из этой «гегены огненной», поднимаются клубы ядовитых вулканических газов. Мощные фумаролы расположены и в других местах дна ледяного колодца. Облака вулканических газов заволакивают весь кратер, окутывают и нас. В конце концов мы отходим от ледяного колодца и к краю кратера. Облака газов доходят до нас теперь реке. Мы начинаем собирать образцы вулканических пород.

На черном песке блестят на солнце тонкие золотистые нити. Вот другая, третья. Их много. Это «волосяны» — лавической ботни огня у жителей Гавайских островов. Они разны. Вот черный волос, охотный на комки. А вот целая прядь золотистых-белых, по своей структуре вполне белишеская. Мовет быть, это волосы не одной, а целого сонма огненных ботни со стальными волосами, ругичены при обычной температуре, являюны в тысячу градусоу. И мовет быть, чтобы увидеть их, этих красавцев, рожденных огнем, надо прийти сюда в полночь.

Мы собираем тонкие ильные нити. Мы знаем, что эти нити — это золотистые остывшие нити марганевого дутья. Они вытягиваются газлами в расширяющихся пустотах раскаленного вязкого шлака. Мы знаем, что не увидим огненных ботни, но все-таки решаем прийти сюда ночью, чтобы увидеть эффеентное зрелище освещенного ильпещей лавой кратера, чтобы лучше рассмотреть явления, происходящие в раскаленном мерле и невидимые при дневном свете.

Дальше от нас мы пытаемся только шююлодом и мандринином ююююю. Но сейчас, пока мы находимся в кратере, ветер немного стих, мы спускаемся в лагуна, чтобы нормально решить нашу с тушкойю. После плотного ужина, мы начинаем спускаться с кратера. Сумерки спускаются, и курчавое белое облако над вулканическим кратером, в котором мы находимся, наконец мы опять на вершине. Воздух нас вымораживает, но мы своей необычайной, изной-то демониеской иррастой. На западе под нами обледенелые склоны вулкана. В них отражается лунный свет. Дальше от нас мы пытаемся только волнистых облаков, над которыми в черном небе спускаются мерцающими звездчатыми повисла полетом — это облака. Это облака от нас в лунном свете белоснежная кромка вершины Толбачику, а в кратере, освещенный лунным ирраским светом, огромный ледяной колодец. Над облаками — еще большее пространство, занитое белыми облаками, белыми лавами. Поток красного света из глубины ледяного колодца. Его световые нити отражаются и поднимаются в небо, образуя белоснежные склоны облаком. Чем выше облако, тем дальше видно зарево над Толбачику. Так вот отчего зарево. Вот она, загадочная тайна зарева над вулканическим кратером — нити наденды.

В небе над раскаленным кратером — нити, кипит лава. Сейчас

Величественные и таинственные
кавказские вулканы манят к себе,
зовут заглянуть в раскаленные
жерла. Лишь смельчаки смогут
проникнуть в тайны земных недр.

Вот она, плоская вершина Гол-
бачика, скрывающая дымящийся
кратер. Дальше идти нельзя:
опасность подстерегает на каждом
шагу.

Все происходящее там видно гораз-
до лучше, чем днем. Облака газов
просвечиваются насквозь и не
мешают наблюдать за поверхностной
лавой. От нее то и дело на неболь-
шую высоту взмывают красные
брызги, а иногда невысокие языки
плавления. По-видимому, это мель-
чайшая раскопленная лавовая
чашица — вулканический петел.
Охлаждаясь, она превращается в
черный дым. Оттуда, из глубины
колодца, доносится шум и урчание,
как из огромного кипящего котла.
Просвечиваемые насквозь вулкани-
ческие пары кажутся ночью более
свободными, чем днем.

Словно мы отходим от края
ледяного морозца, но не в силах по-
кинуть вершину вулкана. Ближе
к полночи и кажется, что вот-вот
в кратере появится фен со сте-
ляными волосами. Ветер идет, но
фен не появляются. По-видимому,
в течение очень многих месяцев
здесь все остается без перемен, и
золотистые волосы огненных
богинь остались как следы бушевав-
шей в прошлом стихии. А когда
она будет бушевать снова? Увы, мы
еще не можем ответить на этот во-
прос.

Мы спускаемся в лагерь, унос
с собой незабываемые впечатления.
Мы видели еще одну необычную и
изумительную по красоте картину
природы.

Е. МАРХИНН,
старший, научный сотрудник
Института вулканологии Сибир-
ского отделения АН СССР.

ПРИГОТОВИЛИСЬ

Рисунок А. БЛИСКУНОВА.

С НАТУРЫ.

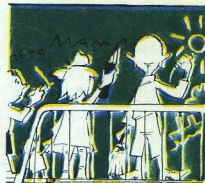
Рисунок Л. БАШАЛАШВИЛИ.

Рисунок Г. ОГАНЕСОВА.

Рисунок Г. ПИРЧАЛАВА.

ПОТОЧНЫЙ МЕТОД

Рисунок Ю. СОЛИНА.

Александр ГЕЛОВАННИ

КОГДА ГРЕЮТ СТИХИ

Кто скажет, что стихи согреть не могут сердца. Когда они шумят, когда они плачут? А мука, притворите в печке дверцу И бросьте их туда...

Согреют вас стихи! Перевод Н. Лабковского.

МИКРОСКОПИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

На вступительном экзамене

— Фамилия?
— Ткачадзе.
— Отчество?
— Александрович.
— А, знаю, знаю. Твой отец — хороший друг моего сына. Ну, как дела в нашей деревне?
— О! В нашей деревне произошли большие перемены. Председатель сельсовета сменили. Наша соседка Гелда вырывается цыплет. Вырастали всех без потерь. А на днях в газете поместили ее фото. И, знаете, как она гордо держит голову, эта самая Гелда? Ого-го!
— Ты тоже хороший парень... Ну, довольно. Иди, пиши четверку.
— Зачем четверку? Разве я что-нибудь перепутал?

Л. ПАРТАШВИЛИ

Милые дети

Мать вернулась с работы. Комната была не прибрано. Дети не приготовили обед, не принесли хлеб из магазина.
— Тасо! Ты все узнаешь свою мать? — сказала она старшей дочери.
— Что делать, мамочка! Шадио и Малза целый день гоняют мяч во дворе. Майя пошла к соседям, Талино шьет платок кулиам. Шота и Вазино еще не вернулись из школы. Дато и Нето пошли в кино. И папа тоже не пришел. — Попыталась оправдаться девушка.
— А ты что делашь?
— Г! Чтато «Слугу двух господ»... Какая хорошая книга!
— Гя... Что значит судьба? Я вот слуга десяти господ, а про меня не пишут книгу! — Мать взяла рукой и приступила к домашней работе.

Н. КАНДЕЛАКИ

Первая страница обложки: «Ангель, понтай на тракторе!» — Когда наступат перемены в занятиях, Сореня Антонов тут нах тут. Соседский мальчуган стал любимцем всего училища, спросите зоть самого Ангеля Гонсалеса... Фоточерн М. МУБАДОВА «Гуахирос на родине Свободы» см. на стр. 2-3.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартаковский, 2-3

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНОМ:

Номерутор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 3-42; отделы литературы и искусства — доб. 2-15; очерков и публицистики — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; сатиры и юмора — доб. 4-78; писем — доб. 2-53; науки и техники — Е 7-65-82; информации — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакторы: Ю. Н. Вернико, Е. А. Домантовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Костров, В. А. Кочетов, В. Л. Разумичев [заместитель главного редактора], Е. И. Рабчиков, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Будина

А 00195. Подписано и печати 3/ХІ 1962 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 1834.
Заказ № 3028. Формат бумаги 70х108/16.
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

Неторопливо и очень тепло

Пускай ду-ша не
зна-ет хо-ло-да, как ясный день, как сад в цве-ту,
пусть будет веч-но серд-це мо-ло-до, добром встреча-я
доб-ро-ту. Пускай пе-чаль с то-бо-ю рас-станется,
уй-дет в дрему-чи-е ле-са, пусть красота тво-
я до-ста-нется то-му, кто ве-рит в чу-де-
са. // са. // ем.

Конец

Пускай

ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Слова Александра КОВАЛЕНКОВА.

Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА.

Пускай душа не знает холода,
Как ясный день, как сад в цвету,
Пусть будет вечно сердце молодо,
Добром встречая доброту.

Пускай печаль с тобою расстанется,
Уйдет в дремучие леса,
Пусть красота твоя достанется
Тому, кто верит в чудеса.

Пускай по-доброму, по-нашему,
Ты будешь милому верна
И навсегда любовь отдашь ему
Без оговорок, всю сполна.

Пусть жизнь свои уложит тяжести
В мешок походный за плечом,—
Ведь все дороги шире кажутся,
Когда идешь по ним вдвоем.

На этой обложке мы публикуем снимки нашего корреспондента **В. Гиппенрейтера**, сделанные на камчатском вулкане Толбачик.

Репортаж об этой интересной экспедиции читайте и смотрите в этом номере «Смены» на стр. 26—29.

Цена номера 20 коп.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ БУДЕТ ОПУБЛИКОВАН
фотоочерк специального корреспондента «Смены» **В. ГИППЕНРЕЙТЕРА**
КАШАЛОТЫ ПЛЫВУТ В «СКАЛИСТЫЙ»

